

Сергей Басов

Бетховен

Сергей Басов

Бетховен

«Издательские решения»

Басов С. Н.

Бетховен / С. Н. Басов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507740-0

Роман о жизни композитора Бетховена. Начинается с дня рождения и заканчивается смертью композитора. Повествование происходит на фоне событий конца 18 — начала 19 века.

ISBN 978-5-00-507740-0

© Басов С. Н.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Бетховен

Сергей Николаевич Басов

© Сергей Николаевич Басов, 2019

ISBN 978-5-0050-7740-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С. Басов.

БЕТХОВЕН.

Дни жизни.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

С бодрым духом по глади вдаль,
Где еще ни один смельчак
Не дерзнул проложить пути,
Сам намечай свой путь!
Тише, сердце мое!
Треснет, -что за беда!
Рухнет, -лед, а не ты!
«Отвага» И. В. ГЕТЕ. (пер. М. Лозинского)

1

Разговор получился на этот раз спокойным и мирным. Может холод тому виной, может позднее время, но старик капельмейстер на этот раз был настроен миролюбиво. Сын просто молча слушал, стараясь не задавать лишних вопросов. Это понимает и отец. К счастью разговор подходит к концу. Отец едва помещается в этой маленькой каморке, которую и комнатой не назовешь. Шубу и шапку он оставил внизу у Фишеров, а сам остался в теплом парадном камзоле и с массивной тростью в руке. Крепко сжимает белый костяной набалдашник широкой ладонью, глубоко дышит, выдавливая из губ пар. Холодно. Огромному и тучному капельмейстеру Людвигу ван Бетховену не пройти и выпрямиться в этой маленькой каморке, которую и комнатой назвать нельзя. Может от этого и спешит он сегодня побыстрее закончить неприятный разговор с сыном. За стеной полоска света и там невестка с новорожденным сыном или спят или прислушиваются к их разговору. Елена тиха и пуглива, слова поперек не скажет, и повезло же его оболтусу с женой. Это только для посторонних хмурится, напускает на себя грубый вид и манеры сельского приبلудившегося скрипача он-капельмейстер и негоциант, уважаемый во всем Бонне господин торговец ван Бетховен. Иначе с его сыном и нельзя. С музыкантами тоже. А вот Елена... Ладно, на эту тему поговорит позже, а сейчас о предстоящих крестинах.

– Где думаешь крестить?

– У Святого Ремигия.

– Дело. Я знаю их кантора..Договорюсь. Когда?

– Думаю-завтра.

Старик Людвиг на мгновение прищурился, прикидывая в уме цифры: что говорить, а считать в уме он умел. Мгновенно сложил и помножил в уме общую сумму крестин добавил небольшой ужин в кругу избранных, подарки плюс расходы на приданое и подытожил завтрашним числом. Шестнадцатого родился, семнадцатого крестился. Порядок. В такой холод все надо проверить быстро и без излишних реверансов. Не по карману.

Сын Иоганн нервно заерзал на табурете. Кашлянул.

– Ну? Не тяни. Говори, как есть.

– Я из своих, конечно добавлю (сын полез в карман) но на угощение и церковь нужно отдельно,

я думаю.

– Ты думаешь? -передразнил сына отец.

Впрочем и сейчас получилось не грозно, а немного обидно.

– Ты понимаешь-роды не первые, крестины, угощение и эта церковь, вечер с банкетом...

– Куда хватил. Банкет ему подавай. А может еще архиепископа пригласишь, богач!

Иоганн понурил голову.

– Значит так. Людвиг привстал.-Вот...

Из кармана красивого теплого камзола с меховым воротником вынул несколько золотых монет, грубо вложил в ладонь сыну.

– Это заплатишь в церкви от себя и жены, а вечер и стол за мной.

– Спасибо, -тихо произнес Иоганн.

Старик боком и осторожно стал продвигаться к выходу.

– Не зайдешь, заглянешь?

– Насмотрюсь еще.

Ты понимаешь, вторые роды, дай-то Бог, чтобы этот выжил.

– Только на него и надежда. Рожает или покойников или чумазных.

– Кто тебе сказал?

– Мир не без добрых людей, доложили.

Иоганн только развел руками. Лучше сейчас с отцом не спорить. Спускаясь по узкой темной лесенке, освещенной лишь одной свечой, отец тихо ругался: надо же так запустить квартиру и дожить до такого позора в этой развалюхе. И кто? Сын капельмейстера! На первом этаже семья булочника Фишера: муж, жена, двое детей, приличные люди, приличный дом, уважаемое семейство, все знакомые и соседи, как на подбор -не господа, но люди с положением и весом и лишь один Иоганн..

На первом этаже Людвиг остановился, поправив парик, плотно нахлобучил меховую шапку.

– Кутайся плотнее, декабрь на дворе, -зачем-то сказал Иоганн.

– Да что ты говоришь. Крестины отметим у госпожи Баум. У нее большая зала и камин. Тебя завтра на весь день отпускаю, сам договорюсь. В церковь пораньше, часам к трем, а там и за стол.

Уже у самой двери:

– Кто в крестные?

– Пусть она и будет и ...может... ты...

Старик еще крепче нахлобучил на глаза шапку, низко нагнул голову, отвернулся.

– Людвигом... значит...

– Да. Если не против.

Людвиг резко махнул рукой.

– Закрывай дверь-застудишь малого..Сейчас к Саломонам и Рисам. В церковь они не пойдут, но за столом хочу их видеть.

– Не поздно? -спросил сын.

– Еще семи нет.

Иоганн поспешил закрыть дверь. Быстро забежал в свою комнатку и выглянул в окно. За пеленой снега при ясном свете месяца огромная фигура старого капельмейстера удалялась вдоль узкой улочки. Полы шубы развевались на ветру, трость зло отбивалась от пурги, словно пугая невидимое белое чудище. За спиной капельмейстера белый пух крутился, извивался белой стайкой. «Смешной он и чудаковатый», -подумалось Иоганну и на сердце улеглась обида на отца. Тем более, по сути, ведь он прав.

Людвиг действительно был зол на единственного сына. Уж на него-то он возлагал свои нехитрые надежды. Конечно, Иоганн звезд с неба не хватает, исправно тянет лямку скрипача, певца в капелле и оркестре князя. Первый министр фон Бальдербуш им доволен, впрочем, непонятно, из-за чего или благодаря кому. Конечно ему, Людвигу. Это он

прикрывает прогулы, запои и прочие шалости сына, не будь его, сидеть бы его Иоганну в каком-нибудь кабачке и пиликать на своей скрипочке за стакан вина и ломоть селедки. А

начиналось все так хорошо. При хорошем поведении и прилежании мог бы и его Иоганн выбиться в капельмейстеры и там, глядишь, свою торговлю вином можно было передать ему. А лет через двадцать собственный дом, прислуга, экономка, серебро на столе, счет в кармане

и смерть в почете и уважении. Впрочем, о смерти ему, Людвигу, еще рано думать. Лет на десять его должно хватить. И занесла же его сына нелегкая в юности в захолустье как

городок Эренбрейтштейн (ну и словечко!) и все та же злая судьбина свела с дочкой повара и уже вдовой лакея Магдаленой Каверих. Сын говорит «не лакея, а камердинера», а какая к черту разница! Высокая, на полторы головы выше мужа, худая аж скулы просвечивают

носатая с большими испуганными черными глазами девица. Сядет в уголке, глазища тарасит

«да, отец», «нет, отец» – весь разговор. Иногда плачет, шмыгает длинным носом и все равно молчит. Понятное дело- не только по росту но и по уму эта дочка повара выше его Иоганна. Уж это старик Людвиг сразу приметил, но гордость не дает признаться-не ровня она сыну.

В хорошую погоду от дома Фишера до дома Саломона десять минут ходу, но в эту погоду и с такой шубой Людвиг едва доковылял за двадцать. Порыв ветра несколько раз сбивал с него шапку, и Людвиг хватался за парик, зло отгоняя снежную метель тростью, словно сражаясь с невидимым великаном, хрипел, кашлял, ногами расчищая дорогу. Вот, наконец, и дом Саломонов. На первом этаже бледный свет. Громко и долго стучал. Дверь отворила дочь.

– Ой, Ван Бетховен! Заходите, заходите.

Капельмейстер поспешил закрыть за собой дверь. С лестницы спускался сам хозяин

– Что случилось?

– Да ничего особенного. Завтра крестины, вот решили собраться все у госпожи Баум часам к пяти. Сейчас темнеет рано.

– Да, да. С первенцем Вас!

Людвиг кивнул.

– Днем крестины, а к пяти, я думаю как раз, -еще раз уточнил Людвиг.

– А кто крестные? -спросил Саломон.

– Госпожа Баум и я.

– Значит внук Людвиг?

Капельмейстер заколебался, смешно нагнув голову, запрятал глаза под самую шапку.

– Они решили... сами... я-то... что..

Дочь Саломона не утерпела.

– Знаем, в честь кого.

– В общем, сбор у нее, -уже уверенно произнес Людвиг и глубоко закутался в шубу. Быстро закрыл за собой дверь.

Проводив отца, Иоганн поспешил в комнату жены. Магдалена не спала. Она и до родов не отличалась здоровьем, а сейчас на лице остался лишь острый нос и темные круги под глазами. Сами глаза, как два уголька, сверкали затухая и загораюсь в полумраке. Она тяжело дышала, младенца положила рядом с собой, укутала еще одним одеялом. Так, конечно, теплее. Окно, в летнюю погоду дарящее свет и тепло, задернуто пледом и на вторые рамы просто нет денег. Щели в раме заткнуты тряпьем и в камине лишь одно

полено, а на столе одна свеча. Комната скупо обставлена: все лишь самое нужное. Большая кровать под балдахином, два стула, рукомойник, старый платяной шкаф и рукомойник тумбочка. Вот и вся обстановка. В полутьме Иоганн споткнулся о маленький табурет.

– Зажги еще одну свечу, -тихо сказала Магдалена.

– Да ладно. Привык. Как он?

– Спит. Я покормила и он сразу уснул. Я, кажется, тоже вздремнула. Был отец?

– Да.

– Я чувствовала. Слово сквозь сон голоса и я или сплю или брежу. Он как...

– Нормально. Все хорошо. Мы даже улыбнулись друг другу.

– Почему он не зашел, не посмотрел внука? Он по-прежнему не любит меня?

Иоганн засуетился. Пересев на кровать, он осторожно умастился около младенца. Взяв в свою ладонь худую и холодную, как лед, ладонь жены сжал ее, поднес к губам, нежно подышал на нее.

– Успокойся, все хорошо. Он очень рад внуку, но сейчас просто не до того-надо договорится о крестинах на завтра и небольшом празднике в твою честь. Вот...

В доказательство своих слов он выложил на одеяло несколько золотых монет, данных отцом.

– Это на крестины в церковь, ужин он тоже оплатит.

Магдалена взвесила на ладони несколько монет.

– Да, это многое объясняет.

– Ты о чем?

– Он даже не взглянул на него. Просто дал несколько монет и все.

Глаза Магдалены влажнеют, уголки губ дрожат-сейчас она снова начнет плакать. Ладонями закрывает лицо. Молчит. Очень долго. Долго. Так она плачет. Беззвучно и беззлобно, не виня, не жалуясь, ни попрекая никого в своих бедах. Первый ребенок не прожил и года. С этого, вероятно, все и началось. Сначала ее Иоганн просто стал задерживаться с друзьями в кабаке. Шутки, разговоры, разные мужские дела-понятное дело. Но дальше-больше. Пару раз пришел навеселе (когда под мухой, он веселый и смешной) потом чаще, несколько замечаний Магдалены не возымели действия. Старик Людвиг поначалу смотрел на проказы сына сквозь пальцы, догадываясь, что тяга к вину это от матери. Не зря несчастная уже несколько лет в монастыре. Пришлось принять меры. Но Иоганн другое дело, мужчины в их роду все как один крепкие, коренастые, с суровой крестьянской закваской и потому нет повода для беспокойства. Но так было. Сейчас старик капельмейстер уж и не знает что говорить. Последние несколько лет его единственный сын катится подобно колесу с горы

и удержать его нет никакой возможности. С этим смирилась и Магдалена. Теперь она просто плачет. Молчит и плачет. Может с рождением этого малыша что-то изменится?

– Мы немного посидим, обсудим планы на лето. Будут все наши-немного наберется, человек десять.

– Я не об этом.

Магдалена убрала ладони от глаз, шмыгнула носом, успокоилась.

Иоганн наклонился к младенцу, шурился в полумраке.

– Зажги еще свечу, -сказала Магдалена.

– Сойдет и так. И не какой он не негритенок, просто смугленький... волосики кучерявятся... пос-

светлеют со временем.

– Это он так сказал?

В голосе жены снова напряжения и испуг.

– А ты бы поспала, -перевел разговор Иоганн.

– Нет, я поспала хорошо. Он поел и я уснула. Но я точно слышала голос отца. Я даже не пони маю, что со мной, кажется я временами проваливалась в какой-то глубокий колодец, а оттуда голос твоего отца, потом опять усыпаю, лечу куда-то, но уже не вниз, а вверх. Это бред.

– Не волнуйся. Если бы ты слышала наш разговор! отец целый вечер только и спрашивал о тебе и малыше. Я его даже удерживал, чтобы он не вломился к тебе.

Магдалена улыбается. Ох и выдумщик ее Иоганн. На него невозможно долго сердиться.

– Кто-то поможет завтра?

– Я попрошу Цецилию.

– У нее и в пекарне дел много. Впрочем, посмотрим.

Малыш пошевелился, смешно крякнул, пискнул, но глазок не раскрыл.

– Дай мне его, -тихо попросил Иоганн.

– Тихонечко.

Иоганн осторожно взял сына на руки. Малыш спал. В такой комнатке особо не походишь. Мать с тревогой наблюдала за ними.

– Подальше от окна, дует.

Иоганн не ответил. Осторожно сделал несколько шагов по комнате, сел около камина, посидел около камина, снова встал и передал малыша матери.

– Пусть спит. Он, кажется, молчун. Знаешь, мне завтра еще не встать, ты уж потерпи денька три..

– Не беспокойся. Я сам отнесу малыша в церковь, а там его принесут обратно. Соберемся без тебя, а там я быстренько домой.

– Фишеров обязательно надо пригласить.

– Само-собой. Тем более, придется от них съезжать.

– Это почему.

– Нас ведь больше теперь. А в этой конуре скоро не повернутся.

– Собственное жилье нам не по карману, а такую развалюху везде найти можно.

– Ничего, летом я снова подам прошение нашему архиепископу о прибавке. Я безусловно служу Их Светлости больше двадцати лет.

Магдалена тактично молчит. Хорошо, что сейчас его не слышит отец.

Вместо ответа она просто устало закрывает глаза и откидывает голову на подушку. Легкое движение рукой и это знак Иоганну-иди...

Иоганн еще раз склоняется над малышом. Осторожно целует его в теплый влажный лобик, затем целует руку жены. Спокойной ночи. Тяжелые сутки позади.

2

Все прошло быстро и с излишней скромностью. То ли холодная погода, то ли тощий кошелек, но священник управился за пять минут. Еще пять минут ушло на запись в церковной книге. Несколько аккордов на органе (из уважения к старому капельмейстеру) и обряд закончен. Госпожа Баум приняла от Людвига его новорожденного тезку, мило улыбнулась обоим.

– Какой милашка, господин ван Бетховен! Губки ваши... и лобик... особенно лобик!.

Старик капельмейстер не был настроен так романтично. Он просто первым двинулся к выходу, давая понять остальным, что церемония закончена и пора за стол. К пяти вечера погода немного успокоилась, падал пушистый крупный снег, редкие фонари на углах улиц

выхватывали из темноты облупленные стены, редкие огоньки окон, редких в этот час прохожих, спешащих побыстрее укрыться за этими стенами. Часы на городской башне проиграла мотив Монсиньи- действительно, пять вечера и темнеет с каждой минутой. Все. Надо торопится.

Передав младенца отцу, Людвиг предупредил:

– Не задерживайся, начнем без тебя.

– Я быстро.

Иоганн с младенцем поспешил домой, а маленькая процессия продолжила свой путь. Дочь Фишеров, Цецилия каждые пять минут выглядывает из двери госпожи Баум. Она главная по встрече.

– Идут! Идут! -наконец кричит она и скрывается за дверь. Холодно.

С другой стороны улицы к дому уже подходила чета Саломонов: Филип Саломон с женой, сыном Иоганном- Петером и дочерью Анной-Марией, следом Николаус Зимрок, старший Черни и хозяин хлебной лавки Фишер. Остальные уже были в доме. Большая гостиная госпожи

Баум была просторна и тепла, пылал камин, обилие свечей приятно удивляло. Стол уже был накрыт. Последние блюда разносили Цецилия с матерью и служанка старого капельмейстера. Стали рассаживаться. Главное место за столом для капельмейстера Людвига ван Бетховена. Теперь будут говорить: «Людвиг ван Бетховен» и добавлять «старший». Это

уже звучит! Все наполнили бокалы. Людвиг встал.

– Все знают зачем мы собрались. Вчера родился мой внук... мой... второй внук. Господу было угодно забрать первого к себе и тем дороже мне этот новорожденный ребенок. В присутствии всех вас, моих друзей, хочу не только пожелать счастья, но и дать слово, что приложу все свои оставшиеся силы, чтобы вывести его, как говорят, в люди.

Раздались здравицы. Кто желал долгих лет младенцу, кто обещал долгие годы самому капельмейстеру, кто просто пил молча, но стоя. Сзади за стульями и спиной к стене спешно протискивался Иоганн ван Бетховен.

– Как она, -спросил отец.

– Она кормит, -ответил Иоганн.

– Долгих лет.

– Счастья.

– Здоровья.

Здравицы закончились и гости налегли на жаркое и жареное. Вина было достаточно. К этому случаю капельмейстер достал из своих личных запасов десяток бутылочек лучшего вина. Гости знают толк в этом напитке. Краем глаза капельмейстер зорко следит за сыном. Пока Иоганн ведет себя прилично, может и обойдется. Главное, закусывать не забывать.

– Пока мы вместе, может обсудим планы, -предложил капельмейстер.

– Кроме рождественских праздников ничего не предвидится, -заметил Зимрок и добавил: -Месса в капелле князя.

– Да, да, -согласился капельмейстер.

– Весной что-то прояснится, -сказал Иоганн Бетховен.

Людвиг и с ним согласился.

– Да, с весны, как обычно начнутся репетиции. Наш князь имеет много родственников в соседних княжествах и те сами часто навещают нас. Гарантирую, что три-четыре премьеры в этом сезоне нам обеспечены.

Общество одобрительно зашумело.

– Может Гендель? -предположил Черни.

– Нет, это не реально, -ответил Зимрок.

С ним согласился Людвиг.

– Его оперы громоздки и затратны-у Его Светлости не хватит денег, а оратории в театре просто немислимы. Лучше что-то из старых мастеров...

– Грегри или Филидор?

– Монсиньи, -предложил кто-то из гостей.

Все сразу зашикали: нет, только не Монсиньи. Лучше Глюк. Глюк был всеобщим любимцем.

Таким, как и молодой Моцарт. Постепенно компания разделилась по интересам. Центром молодежи был Иоганн. Что-что, а шутить он умел. Вокруг него всегда веселая компания, смех и шутки. Только бы не пил. Сейчас, в тепле и уюте, Иоганна немного «развезло». Движения стали резки, голос резок, смех неприятен.

– С нашим архиепископом много не заработаешь. Жмот еще тот!

Из-за стола на Иоганна жесткий взгляд отца. Громкое постукивание костяшками пальцев по бокалу.

Иоганн замолкает. Постепенно гости начинают расходиться. Завтра будний день и надо хоть немного отдохнуть. Людвиг настойчиво проталкивает сына к выходу, на морозе быстрее пройдет хмель.

- Не зайдешь? -спрашивает Иоганн.
- Нет, не сегодня. Не хочу их беспокоить. Зайду на днях.
- Как знаешь.
- Завтра ровно в семь и без сюрпризов,
Голос отца строк и без вариантов.
- Конечно, -только и может ответить сын.

Магдалена не спит. Она ждет мужа и волнуется. Так не хочется видеть его пьяным. Просто

навеселе-да, но не пьяным. На первом этаже хлопает дверь, голоса, но это Фишеры. Звонкий голос Цецилии и тишина. Десять минут, двадцать... Где же Иоганн? Наконец снова хлопок двери, шаги медленные, путанные, скрип двери, что-то падает в соседней комнате. Малыш под боком матери кричит, чмокает губками, но спит. Он сыт, в тепле, ему хорошо и сейчас главное не шуметь. Дверь открывается.

- Как ты? -тихо спрашивает Иоганн.
- Слава Богу, трезв.
- Понемногу. Думала, будет хуже. Я покормила час назад и он сразу уснул. А как ты?
- Все нормально. Посидели, вспомнили и тебя и малыша. Все желают тебе здоровья.

Ты бы видела отца!

Магдалена улыбается. Первые радостные новости за эти дни.

- Я еще денек полежу и встану. Просто не знаю откуда что берется. Едва дошла до окна.
- Лежи спокойно. Я договорился с Цецилией, она забежит завтра.
- Будем спать?
- Да, пора на боковую. Завтра на службу.

Иоганн еще какое-то время сидит около камина, греет ладони. Какой трудный этот день-17

декабря 1770 года

Магдалена пролежала в постели больше недели. Старик Людвиг иногда присылал свою служанку помочь по хозяйству. По возвращении подробно расспрашивал. С сыном на людях был строг. Сослуживцам притворно жаловался:

- Дал же Бог неумеху. Все лежит, вылеживает, а хозяйство на мне.

Но, приходя к невестке, был тих и вежлив. Склоняясь над малышом, шершавым пальцем трогал кучерявенькие спутанные волосики, тонким, почти прозрачным платком протирал лобик. Магдалена улыбалась.

- Возьмите его, отец.
- А можно?

«Какой он смешной, почти, как ребенок», -размышляла Магдалена. В маленькой каморке огромному капельмейстеру тяжело, он делает несколько шагов от окна к камину от камина к двери и садится на постель. Бережно отдает внука.

- Как там Иоганн? -спрашивает Магдалена.
- Потихоньку.
- Он старается. Дает уроки. Не часто, но бывает.
- Да, я знаю. Я же и нахожу этих учеников.
- Спасибо, -только и может произнести она.

Иоганн приходит поздно. С отцом вне репетиций он почти не видится и лишь по нескольким золотым монетам и светлому взгляду жены он понимает-был отец. После нескольких часов

занятий Иоганн измотан. Ни шутить, ни балагурить нет настроения. Часто от него пахнет вином, но Магдалена молчит. Завтра в шесть он снова проснется и снова возвратится к полуночи. Надо просто оставить его в покое. В редкий выходной день все трое встречались у Иоганна. Наступала оттепель. Первые мартовские деньки с еще холодным солнцем. Магдалена выходит на порог с маленьким Людвигом на руках. Отец и сын сидят тут же во дворе. Мирно беседуют. Иоганн курит длинную трубку, с наслаждением выпускает дымок из носа.

– Этой весной, вероятно, будем ставить Гретри, – говорит Старший Людвиг и добавляет: – Я вы-

хлопотал для тебя партию.

– Это хорошо, деньги небольшие, но в нашем случае...

Иоганн не закончил. Отец достал большой широкий листок со списком ролей.

– Я лишь набросал роли. Вот, с тобой в дуэте будут девицы Саломон и кто-то из Рисов.

– Я не подведу, ты меня знаешь.

– В том-то и дело-знаю. Ты в прошлом году уже подавал прошение?

– Да, знаю. Жаловаться особо нечего. Мне ничего. Саломону дали 50 и по 25 Брандту и Майерсу.

Старик Людвиг встает. Тут же спрашивает Магдалену:

– Кормить будешь?

– Нет, он такой здоровяк, что почти все молоко на него уходит. Потом спит. Он молчун.

– Это лучше чем болтать без умолку.

Иоганн вышел из дома с листом бумаги.

– Раз уж зашел разговор о добавке... вот...

Он протянул отцу лист с корявым быстрым почерком. Предупредил:

– Это только набросок.

– Посмотрим: «Хотя находят меня способным занять его место, но я не решаюсь повергнуть

просьбу к стопам вашей светлости...» Капельмейстер не дочитал, скомкал лист и бросил на землю.

– Никому не показывай этот бред. «Способным занять...» «Ты с ума сошел!

Магдалена вынесла закутанного малыша на первое в его жизни весеннее солнышко. При малыше капельмейстер чуть успокоился. Внимание старика переключилось на внука, глаза подобрели, чуть улыбнулись губы.

– Пузатенький какой, темноват немного...

Вспомнив, что эта тема неприятна супругам, покопался в камзоле и вынул золотой. Осторожно заложил его между пеленок.

Магдалена сделала вид, что не заметила, улыбнулась. Когда капельмейстер ушел, она сказала:

– Он сегодня в хорошем настроении.

– Только не для меня. Ты слышала?

– Да.

– Чтобы я не написал, ему не угодишь. Он почти сорок лет прослужил архиепископу и думает,

что и у меня так получится.

– У тебя еще лет тридцать впереди, – пошутила Магдалена и добавила: – Ведь и он с чего-то начинал.

Вместо ответа Иоганн продемонстрировал жене лист, принесенный отцом.

«СИЛЬВАН.

Комедия в одном действии с пением.

Текст Мармонтеля, музыка Гретри.

Дольмон, отец, -г Людвиг ван Бетховен, управляющий
Сильван, -Иоганн ван Бетховен.

Базиль, -Христиан Брант.

Елена, жена Сильвана, -Анна-Мария Рис.

Паулина, -дочь Сильвана-Анна-Мария Саломон.

Люсет, дочь Сильвана, -Анна-Якобина Саломон».

– Да, не плохо, -только и сказала Магдалена. Она слабо разбиралась в музыке и в таких вопросах всецело полагалась на мужа и свекра.

3

Постепенно старик Людвиг стал ловить себя на мысли, что ему нравятся еженедельные посещения семьи сына. Чаще он навещался, когда сын был на службе или на уроках. В теплые погожие деньки брал на руки полуторагодовалого внука, расхаживал с ним по двору, смешно и неуклюже приседал, мурлыча что-то на непонятном языке, Магдалена выглядывала из окна с шитьем в руках. Она тоже оттаивала сердцем во время этих визитов. Стан ее выпрямлялся, в глазах загорались давно позабытые искорки. Она красиво улыбалась, улыбка ей шла. В самые жаркие дни и очень редко капельмейстер брал внука с собой на прогулку по городу. Шел медленно и важно, не торопясь. На левой руке крепко держал двухлетнего внука. Останавливался возле каждой лавки, заводил разговор. Человеком он был известным и почти каждый встречный считал своим долгом поприветствовать уважаемого капельмейстера да еще и с внуком.

.Давний друг капельмейстера-органист ван Эден подолгу не отпускал друга. Вместе сидели в просторной прохладе церкви. Малыш был непоседой. В два года все так интересно. Капельмейстер уже с трудом удерживает его на коленях. Эден улыбается. Малыш ручкой тычет в деревянное распятие, переводит взгляд на ангелочков под куполом. А звуки! Это чудо какое-то! Откуда они? Маленький Людвиг испуганно прячет личико в праздничном жабо деда. Проходит несколько минут и малыш начинает прислушиваться. Несколько минут молчания и музыки.

– Как тебе? -спрашивает дед.

Маленький Людвиг показывает пальчиком вверх.

– Да, да, там музыка, -говорит дед.

С ван Эденом они пропускают по стаканчику винца. У малыша леденец на палочке. И для него это праздник. Только к вечеру они возвращаются к матери. Напоследок старик делает еще один круг по двору. Спешит, похвалится Фишеру- старшему:

– Он уже говорит.

– Ну... это вряд ли, -сомневается Фишер.

– Скажи: «деда», «де-да».

Маленький Людвиг старается лепетать что-то похожее..Все смеются. За время отсутствия свекра и малыша Магдалена успевает сходить на реку постирать, приготовить еду, пошить и даже немного вздремнуть. С каждым визитом свекра она узнает его все лучше.

Сколько тепла и мудрости в этом угрюмом немногословном старике. В кого же Иоганн?

Может в мать? Страсть к вину не должна передаваться в наследство. На прощание старик ворчит:

– Пора вам переезжать от Фишеров.

– Куда? В такую же конуру, как эта?

Капельмейстер хмурит густые брови.

– Иоганн снова придет поздно?

– Я не знаю. Это не от меня зависит. После репетиции его сиятельство приглашает некоторых музыкантов к себе. Кого именно я выясню. Там у кого-то из господ день ангела и они изволили просить музыкантов на вечер.

– Нет, я не жалуясь, но иногда как-то...

– Я понимаю, -говорит капельмейстер и снова, словно невзначай, Магдалена находит в маленьком камзоле сына один золотой. Господин Людвиг, Господин Людвиг...

Первые воспоминания скупы и обрывисты. Вот руки деда, крепкие мускулистые, щетина его шок колетса, но это весело и смешно. Ему, Людвигу, нравится, когда эти крепкие руки подбрасывают его вверх, потом крепко кружат его. Смешно до коллик. Вот они идут с дедом вдоль улицы, спускаются к берегу. Шумит вода и дед садит его на простой пенек над самой водой, снимает парик, расстегивает камзол и снимает чулки. Руками растирает голые ступни. Маленький Людвиг долго не может усидеть на месте. Сейчас он прячется от деда за деревом

и нужно только терпение чтобы» деда» не нашел его. А «деда»все сидит на берегу и лишь голые ступни в воде. Несколько кислых виноградин в бумажном кулечке. Какие же они кислые!«Деда»улыбается. Потом он совершает чудо. Большой обломок коры превращается в корабль, ветка и лист клена в парус и... Чудо, волна уносит настоящий пиратский корабль вниз по течению.«Деда»достает из сумки бутылку вина и хлеб с кусочками сыра и свиного окорока. Между хлебом и окороком толстый слой масла и запах этот сводит с ума. Капельмейстер попивает винцо, закусывает, и Людвигу перепадает несколько кусочков.

– Нет, нет! Это тебе еще рано.

Капельмейстер прячет бутылку за спиной.

– Смотри, -говорит «деда».

Маленькой палочкой он шевелит жука, переворачивает его на жесткую блестящую спинку.

Жук гудит, он, вероятно, обижен, ему не нравится. Смешно. Деда смеется. Его строгий костюм распахнут, грудь спокойно дышит и он, Людвиг-младший ложится прямо на грудь деда. Как хорошо. Потом они возвращаются в дом. Снова с его дедом раскланиваются, снова негромкие разговоры и прихлопывания по щечкам и плечам. Ему это не нравится. Лучше, когда»деда» сажает его к себе на шею, тогда виден весь город и сама городская ратуша с часами, лента блестящего Рейна вдалеке, и гряда виноградников уже совсем вдали.

Память меняет картины. А вот это отец. Какой он смешной. Он танцует прямо в комнате, хлопает в ладоши и приглашает к этому танцу его. Шаг, еще шаг... Вот так! Так! Отец бросается к инструменту и одной рукой стучит по клавише, другой машет и пытается присесть. Это папе трудно и он падает на маленькую табуреточку. Табуреточка трещит, ломается и папа падает прямо на пол. Смеется он, смеется мама. Мама так счастлива и он обнимает ее за шею, виснет прямо на ней. Как же хорошо им втроем.

Есть еще запахи. Запах горячей, пахучей сдобы из окон Фишеров. Цецилия- плутовка сейчас стоит на пороге и протягивает Людвигу большой ароматный крендель.

– Шаг... еще... вот...

Сзади его поддерживают мамины (это он уже точно знает) ласковые руки. Как тяжело даются первые две ступеньки.

– Молодец! -звучит чей-то голос.

Людвиг цепко хватается за крендель, теперь он его не отпустит.

Все смеются, смеется и Людвиг. Кроме лиц есть еще и животные. Огромный рыжий петух смело идет на встречу Людвигу. Мама рядом и значит бояться нечего. Людвиг машет небольшой палочкой: настоящий воин. Враг побежден и снова смех, руки матери и солнце. В подвале есть мыши. Мама говорит, их не стоит бояться, они сами нас бояться. Есть еще кошки и собаки. Какие они все большие! Самые большие-лошади!

Но есть и печальные картинки. Играет орган, противно пахнет свечами, нафталином, смесью духов и пота. Из-за пышных юбок и камзолов ему ничего не видно. Отец берет его на руки и тихо шепчет:

– Иди, попрощайся с дедой.

Отец опускает его с рук на землю и слегка толкает его в спину. Странно, почему надо прощаться с дедом? Почему он так неподвижно лежит и почему именно здесь, в церкви? Почему мама плачет? Почему так громко играет орган и много людей подходят к ЕГО

деду и целуют его лоб? Больше воспоминаний нет. Начинается самое обычное детство и в этом детстве уже нет места воспоминаниям. Теперь каждый день невесел и сер. Вот и сегодня обычный нудный день, дождь и туман и весь день прошел впустую, вот сейчас

вечер и отец сидит уже несколько часов над огромной кипой бумаг и бухгалтерских томов. Все они огромные, пыльные и пахнут противно. Отец, обхватив голову руками, ерошит волосы, потягивает вино прямо из горлышка и пыхтит. Он потеет, дышит тяжело, но все напрасно. На подмогу ему приходит Теодор Фишер, давний друг юности.

– Я ничего не понимаю, это какая-то абракадабра!

– Тут и французский и ...кажется... может... голландский, -предполагает Теодор.

– Мой старик вел дела с купцами сам, без посредников. Накладные, расписки, квитанции-все в полном порядке, но «выжать» что-то из них мне не удастся. Хорошо, что долгов нет.

– Твоему отцу доверяли и без расписок. Он знал толк в торговле

– А мне, по-твоему, не доверяют? -обиделся Иоганн.

Магдалена успокоила мужа.

– Главное, Теодор прав, обошлось без долгов.

– А что мне с этого?!Я стараюсь что-то выжать из этих бумажек. Скоро появится еще один рот

(Иоганн кивает на округлившийся живот жены) а мне и этого (кивок в сторону Людвиг) не прокормить.

– Ты тоже в этом немного...«виноват», -пробует пошутить Магдалена.

– А что с прощением? -спрашивает Фишер.

– Пусто, как в моем кошельке. Вот!

Из вороха бумаг Иоганн протягивает листок дорогой бумаги с гербом в углу.

«Жене умершего капельмейстера, проживающей в монастыре, за время пребывания ее там,

впредь до особого распоряжения, выдавать по 60 имп. талеров ежегодно.

Бонн,8 января 1744 г.»

– Не так уж и плохо. Ей там лучше, а вам здесь. Еще один рот ты бы точно не прокормил. А про тебя?

– Пока без изменений. Чувствую, что это «пока» затянется надолго. А этот малец уже жрет за двоих. Иди сюда, чертенок, побей клавиши.

Обернувшись к Теодору, жестом пригласил его присесть.

– Сейчас увидишь.

Странно, обычно отец не разрешает самостоятельно прикасаться к клавесину. Инструмент и так от старости чуть не рассыпается, надо быть осторожным, но на этот раз отец добр.

– Подай скрипку, -говорит он матери.

Простая мелодия, несколько нот.

– Повтори, -приказывает отец.

Ну, это очень просто. Людвиг одним пальцем повторяет за скрипкой.

– А теперь тоже самое вместе.

А это еще легче.

– Вот так и живем. Бедно, но весело.

Теодор напряженно молчит, будто что-то вспоминает. Наконец, говорит:

– А помнишь, несколько лет назад у нас выступал такой малец... как его...

– Моцарт!

– Точно, Моцарт! Но тому лет шесть было.

– Небольшая разница. Начни сейчас, а через годик покажешь его важным господам. Они это любят.

Иоганн обиделся.

– Ты обезьянку с моего сына хочешь сделать?!

– Да причем здесь это. У твоего мальчика есть талант, это заметно. С возрастом он будет музыкантом так почему бы не начать сейчас. Мы все стареем. Кто тебя самого кормить на старости лет будет?

Иоганн молча соображал. Пальцем поманил к себе сына, пристально смерил его взглядом, словно прицениваясь к товару.

– Что-то в этом есть. Бренчать по клавишам мы его научим, а что дальше?

– Дальше -видно будет.

Ладно, пойдем к Хойзеру, пропустим по стаканчику, обмозгуем.

– Когда ты будешь? -спросила Магдалена.

– Сегодня, -кратко ответил Иоганн.

Иоганн не шутил, когда говорил, что Людвигом надо заняться. Магдалена надеялась, что ее муж забудет о своем новом увлечении, как всегда бросит, не начав, но она ошиблась. Уже к осени следующего года Иоганн начал занятия с сыном. В один из вечеров, пропустив стаканчик для ясности сознания, усадил Людвига за клавесин.

– Хватит бренчать без толку. Тебе почти пять, пора приниматься за дело. Вот!

Иоганн поставил на инструмент первые попавшиеся под руку ноты.

– Это-ноты. Играют только по ним.

– А без них?

Зря спросил. Отец отвесил затрещину.

– Все можно объяснить спокойно, -заметила Магдалена.

– Дочка повара-сиди тихо.

Магдалена нагнула голову, стараясь не смотреть в сторону сына. Иоганн наиграл самую простую гамму.

– Повтори.

– По нотам? -осторожно спросил Людвиг.

Иоганн карандашом на свободном месте написал несколько нот.

– Вот это то, что ты сейчас сыграл.

– А без этих букашек нельзя?

Снова затрещина.

– Магда, он туп как вся твоя семейка!

Магдалена на этот раз молчит.

– А ты что хохочешь? Повтори еще раз.

– Но я не хочу... по нотам...

Еще одна затрещина и Людвиг летит со стула в угол. Плач, грохот падающего подсвечника,

ругань отца. Людвиг прячет лицо в юбке матери, ласковые руки обнимают его голову и мама

целует его.

– Мама, я не хочу учить музыку.

Иоганн за шиворот тащит сына к инструменту. Плач в соседней комнате. Это плачет двухнедельный Каспар- младший ван Бетховен.

– Уйми своих горлопанов! Что один, что другой-идиоты!

Сейчас Иоганн еле стоит на ногах. Лицо багрово-темное, дыхание прерывисто и он не находит себе места от злости. Вот-вот и он бросится на Магдалену. Она стоит во весь свой

небольшой рост: маленькая щуплая женщина, готовая на все ради своих сыновей. Ей внезапно становится трудно дышать, во рту появляется привкус крови, начинает душить кашель. Но отступить некуда. На этот раз она не отступит.

– После смерти отца ты стал не управляем.

– Заткнись, лакейская подстилка!

– Это за то, что я вдова? Тебя это никогда не волновало, а что сейчас? Внезапно прозрел?

Ответить Иоганну нечем и потому он просто кричит.

– Иди, иди! Там твой второй ублюдок орет!

– Я-то уйду, а вот с кем ты останешься, пьянчужка.

Все это она говорит спокойно, с трудом скрывая волнение, стараясь не кашлять. Надо просто успокоиться, прислониться к стене и на минуту закрыть глаза-само пройдет. Но с Иоганном это невозможно. Людвиг начинает плакать еще громче и она уводит его в соседнюю комнату, к плачущему малышу. Чуть громче и кажется она сойдет с ума и задушит мужа.

Господи, какой позор, Все это слышат Фишеры и соседи из ближайшего дома. Стыдно! За дверь Иоганн буянит. Падают стулья, звенит посуда и несчастный не в чем не повинный клавесин жалобно дребезжит. Звон стекла-кажется Иоганн запустил в окно канделябром или чем-то тяжелым. Стук двери, шаги по лестнице. Тишина.

Магдалена бессильно опускается на кровать рядом с колыбелькой. Вот теперь можно поплакать. Боже, как это все произошло? Так хорошо начиналось. Молодой, веселый Иоганн и его дружок Фишер шесть лет назад нагрянули в ее захолустный Эренбрейтштейн и сразу развеселили всех жителей. Фишер пел, Иоганн играл на цитре и скрипке, приседал,

корчил разные рожицы, а уж какой рассказчик. Вот умел навеять что-то ее женскому сердцу. А может просто тогда было одиноко молодой милой вдове без детей. Вдова в двадцать лет! И

тут он-молодой, остроумный, веселый, А как ухаживал! И что было в этом оболтусе, где были

ее глаза и мозги? Это потом она узнала, что мать Иоганна пьянчужка и взаперти в женском монастыре, еще позже, уже после рождения Людвиг, узнала, что муж может быть просто жестоким, Глупость не в счет. Сейчас она все чаще вспоминала старика капельмейстера. Будь он сейчас жив, такого бы не случилось. В последнее свое лето Капельмейстер пригласил ее к себе. Маленький Людвиг был под присмотром Цецилии Фишер, а она шла с рынка. Там они и повстречались. Старый капельмейстер почти силой увлек ее к себе, Шесть больших комнат, обстановка поразила ее. Она и раньше знала, что свекр в их родном Бонне

занимается винной торговлей, ведет связи с Францией, Голландией, уважаемый негодичант.

(слово это часто слышала в разговоре) В тот день старик долго водил невестку за руку по всем комнатам, открывал сундуки и шкафы, пробовал на прочность редкие ткани, нюхал, заставляя тереть ноготком фарфор и хрусталь. Шкафы, полные серебряной и позолоченной

посуды, вилки и ложки с незнакомыми вензелями, люстры и подсвечники редкой красоты и работы-все это старик обводил взглядом полным превосходства и гордости. На минуту остановился у окна, расстегнул тугой воротник. Как тяжело дышать...

– Вот такие дела, Елена.

Он впервые назвал ее Еленой. Редко, в далеком детстве так называл ее отец, изредка муж, но больше никто. Она подошла к нему, прижалась щекой к его широкой спине. Ладонью вполоборота капельмейстер ласково погладил ее по волосам. На большее он не решался. Сколько минут она простояла вот так-прижавшись к свекру, плача тихо и обреченно,

она не запомнила. Старик тяжело дышит, шершавая рука его лежит на ее волосах.

– Вон, бежит наш бегун, -заметил Людвиг своего сына, спешащего к его дому.-Когда-нибудь

добегается до своего конца.

Магдалена молчала, прижавшись к спине свекра. И вот сейчас она поняла -то была последняя встреча. Отложенное завещание немногословного, скупого на чувства капельмейстера. Чем он еще мог помочь семье? Последние теплые слова свекра:

– Мне ведь с собой это не забирать...

За буднями та встреча забылась и вот теперь, обнимая плачущего сына, она молила Бога о невозможном.

Наблюдая за уроками сына, Магдалена надеялась, что хуже быть не может, но она ошибалась. Через месяц рядом с сыном и мужем она увидела грязноватого непричесанного мужчину в грязном сюртуке и без парика. Мужчина нетвердо стоял на ногах и глупо улыбался.

Попросив мужа пройти с ней в комнату, Магдалена зашептала:

– Что ЭТО?

– Совсем забыл! Помнишь, ты говорила, что концы не свести, жаловалась... Но я ведь не промах.

Это наш новый квартирант -Тобиас Пфайфер, музыкант, мастер на все руки. Я договорился:

он будет за стол и кровать учить нашего оболтуса.

Магдалена широко раскрыла глаза, Слов не было.

– Какая квартира, Иоганн? У нас две комнаты, нам самим жить негде.

– А чулан? Там можно поставить кровать и тумбочку, а столоваться он будет в нашей кухне. Ты его и не увидишь. Он с утра до вечера в оркестре и только ночевать будет у нас. Пару монет нам помешают?

Интересно, это вопрос или утверждение. Магдалена только разводит руками. Хочется сказать многое, но так, чтобы не обидеть Иоганна. По глазам его заметно-он уже пропустил стаканчик»за знакомство» и теперь только и ждет как улизнуть. Будь что будет...

– Не понимаю-есть Рисы, Зимроки, Саломоны, есть Рейха, но ты выбрал вот ЭТО! С тобой

уже никто не хочет связываться.

Иоганн замер. Он не знал, что ответить. Кричать на жену при госте и двух детях не хотелось и он лишь молча замахнулся на жену.

– Мама!

Этот родной голос из соседней комнаты вернул обоих супругов к действительности. Оба бросились в большую комнату. Людвиг орал, забравшись под клавишину, а новый дружок мужа тростью старался»выковырять» малыша из-под инструмента. Пфайфер зло стучал кулаком по инструменту.

Ма-ааа! -верещал Людвиг.

Магдалена схватила сына на руки и, прижав к себе, закричала:

– Оба-вон!!

– Пошли, она скоро успокоится, -спокойно, как ни в чем не бывало, произнес Иоганн.

Пфайфер облизнулся, разворошил нечесанные волосы, став еще отвратительнее, и поспешил за

другом. Со смехом и гогомом оба скатились по лестнице.

– Он дурак? -наивно спросил Людвиг.

В глазах матери улыбка.

– Что-то в этом роде. Иди поиграй, а я займусь Каспаром.

Вот это дело. Людвиг мгновенно забывает горести. Через мгновение он уже висит на шее двенадцатилетней Цецилии. Та старается сбросить сорванца с себя, но это непросто, Людвиг

мертвой хваткой вцепился в шею девчонки. Та верещит, но не сдаётся. Людвиг даже ухитряется одной рукой держать деревянный меч. Им он разит великанов и колдунов. На

какое-то мгновение Магдалена забывает о печалях, все так просто, радостно, прохладный весенний ветерок нежно обдувает ее волосы, холодит горячие щеки, дышится легко и свободно. Пусть играет хоть несколько минут. В его жизни будет много горя, пусть хоть детство будет безоблачно.

Уже к вечеру начинается урок.

– Вот это гамма... простая гамма, -назидательно произносит Тобиас, но Иоганн прерывает его.

– Это все он уже знает. Читает по нотам долго, но верно. Давай...

Отец ставит перед Людвигом давно знакомую мелодию, которую он знает и которую он может проиграть наизусть, но, памятуя о подзатыльниках, делает» умное» лицо и, вперив взгляд в ноты, проигрывает эту дурацкую мелодию.

– Да... -задумчиво изрекает Тобиас. _Расстановка пальцев никуда не годится, темп...

Он кривит губы, поглядывая на Иоганна.

Отец на этот раз на стороне сына.

– Мелочи, при сноровке и опыте это придет. Скажи-у него есть талант!

– Безусловно. Старых мастеров ему не показываешь?

– Нет, фуги и прочая заумь ему пока не по плечу. Пусть приучается к дисциплине.

Людвиг доволен. Хорошо, если таким будет каждый урок.

4

Людвиг уже довольно взрослый и уже прекрасно понимает разницу в сословиях. Есть простые люди: пекари, кузнецы, крестьяне. Есть люди повыше: таких называют «господа».

Господин капельмейстер, госпожа советница, господин бургомистр. Таким людям на улице надо кланяться не очень глубоко, но с почтением. С священником можно раскланяться особо почтительно и называть его следует: «господин кюре» или даже «ваше преосвященство».

Вот кто они-музыканты? Людвиг уже слышал простое и краткое слово-«челядь» Челядь это повара, лакеи, и они, музыканты. Кто-то им кланяется, кто-то проходит и одаривает лишь кивком головы, кто-то вообще не замечает их существования. Вот сейчас Людвиг стоит посреди улицы и смотрит снизу вверх на приятного чистенького старика в приглаженном парике, приятном сереньком кафтане из-под которого выглядывает белоснежный воротник и тростью с большой папкой под мышкой. Старичок первым снимает при виде Людвига шляпу и кланяется. Чудо! Как поступить Людвигу? Но старичок улыбается и первым заводит разговор. Он словно читает мысли Людвиг.

– Ты Людвиг ван Бетховен-младший, внук Людвиг- старшего?

– Да.

А я органист ван Эден, друг твоего дедушки, называй меня просто-господин ван Эден.

У старика приятная улыбка и Людвиг просто не может не улыбнуться в ответ.. Он слегка, но

уважительно кланяется.

– Слышал о тебе. Вчера наш бургомистр господин Видек проходил мимо вашего дома и видел

тебя плачущим. Тебя обижают?

Как сказать. Лучше промолчать.

– Может такой господин ошибся? -отвечает Людвиг.

Теперь улыбается ван Эден.

– Ладно. Хочешь пройтись со мной?

Людвиг согласно кивает. Они идут вместе, по пути приветствуя знакомых. Ну, прямо, как с дедушкой. И рука у этого старика точь в точь, как у дедушки-большая, теплая, ласковая. С ним на удивление спокойно и легко. Людвигу даже и в голову не приходит спросить старичка: «Куда мы идем?». Только когда они подходят к церкви св Ремигия Людвиг говорит:

– Меня здесь крестили.

– Я знаю. Тогда я играл на органе. Может, зайдём?

Людвиг согласно кивает. В церкви прохладно и почти нет людей. На дальней скамье, поближе к окну, пожилая семейная пара тихо ведет свой разговор. Ван Эден что-то тихо шепчет на ухо священнику, тот согласно кивает и смотрит в сторону Людвигу. Эден за руку ведет Людвигу за собой по узкой темной лесенке куда-то наверх. Там, в самом углу, комната и большой инструмент с огромными клавишами. Людвиг уже знает-это орган. Именно он звучит каждый день, каждый праздник и Рождество. Орган играл, когда все прощались с его дедушкой и старый господин сказал, что и при его рождении. Глаза Людвигу блеснули, старик снова угадал его мысли.

– Хочешь?

Конечно Людвиг кивнул. Подойдя к инструменту, он к удивлению своему понял, что подбородком достает до клавиш.

– Не беда, -произнес ван Эден. Сев на скамью, Людвигу усадил к себе на колени.

– Вот так...

Людвиг еще раз взглянул на старика.

– Можно... можно...

Осторожно, с трепетом и сердцебиением Людвиг нажал сразу несколько клавиш. Инструмент

изрек невообразимый шум и скрежет-ничего похожего на музыку. Людвиг отдернул руку.

Все с той же улыбкой ван Эден сказал:

– Для первого раза-достаточно. Хочешь, попробую я?

Людвиг кивнул. Одной рукой органист пробежал по клавишам, инструмент запел. Мелодия

очень похожа на те, что уже слышал Людвиг несколько месяцев назад, когда был на репетиции отца. Тогда что-то подобное играл квартет музыкантов среди которых был и его отец.

Сейчас Людвиг уже довольно опытен, чтобы различать где квартет, где трио, где дуэт. Его отец несколько раз играл с тремя друзьями перед важными господами.

– Кто это? -спрашивает ван Эден.

– Монсиньи, -отвечает первую известную фамилию Людвигу.

Снова старик улыбается.

– Нет, это Бах. Филипп Эммануил Бах. Соната.

Какая красивая фамилия. Людвиг никогда не слышал о нем. Органист ставит Людвигу на пол перед собой.

– Тебя, я слышал, уже учат музыке.

– Да, отец и Пфайфер.

При имени Пфайфера органист впервые морщится и вздыхает.

– Отец... да... это хорошо...

– Я играю с листа, -хвалится Людвиг и добавляет:-Мне скоро шесть.

– Ты и считать умеешь.

– Папа говорит, что без счета музыканту нельзя.

– Это он прав. Пойдем...

Они спускаются вниз. Уже у порога церкви ван Эден говорит:

– Если хочешь-приходи. Я тут каждый день с утра до вечера. Где найти ты уже знаешь.

Дома Людвиг ждал еще один сюрприз. Рядом с отцом и матерью высокий молодой человек, очень похожий на его мать. Тот же светлый открытый лоб, тот же нос с маленькой горбинкой и та же улыбка-мягкая, ласковая. Отец первым представляет друга.

– Франц Ровантини, скрипач.

Франц наклоняется к Людвигу.

– А мы немного родственники с твоей мамой, а значит и с тобой.

Наверное нужно поклониться, но Людвиг уже достаточно взрослый и просто подает ему руку.

– Вот и познакомились. Ты ведь не умеешь играть на скрипке? Знаю-не умеешь. Вот этим и

займемся.

Про себя Людвиг думает: «Если он такой же учитель, как и этот Пфайфер, то лучше сразу утопиться в Рейне и не мучится». Но дядя Франц не таков. После часа занятий Людвигу совсем не хочется выпускать из рук скрипку. Вероятно у всех родственников матери такой легкий спокойный характер и просто талант к обучению. С этим долговым приветливым человеком можно дружить. Даже маму он называет-Елена, по-родственному.

В свободное от занятий время Ровантини нахваливает инструмент.

– Вот. Скрипка. Не клавесин, не виолончель, и не контрабас, и не орган. Всегда с тобой, всегда под рукой: свадьба, похороны, дождь, снег, а она всегда с тобой. И всегда кусок хлеба и уважение. Понял?

Уже за столом, во время ужина, Иоганн показывает Ровантини важный документ.

– Вот, пришло на прошлой неделе.

«На просьбу Иоганна Бетховена выдается это удостоверение в том, что он может воспользоваться 60 имп. Талерами выдаваемыми матери его, вслед за имеющей рано или поздно последовать смертью.

5 июня 1775 года.»

– Ну, это лучше, чем ничего, -соглашается Ровантини.

Лучше? Ты на ее живот посмотри. Скоро нас будет еще больше.

Магдалена уже не шутит. Держа на руках годовалого Каспара, другой рукой пытается накормить его. Людвиг молчит. Он знает, что рано или поздно, но ему придется пойти в обычную школу, в какую ходят все дети его круга и, значит, времени на музыку останется

еще меньше. Жаль, так хочется еще раз оказаться рядом со стариком органистом, самому попытаться играть на таком огромном инструменте. Это совсем не то, что на клавесине,

На этот раз отец тих и миролюбив. Оставшись с Ровантини, он отпускает Людвиг из-за стола. Людвиг возвращается в свою комнатку. Маленький Каспар спит в кроватке, а значит надо вести себя тихо. Людвиг берет несколько игрушечных солдатиков, фарфоровых статуэток пастушков и пастушек, маленьких скрипачей ростом с мизинчик и флейтистов-

все, что осталось из необъятных запасов старика капельмейстера. После смерти отца

Иоганн начал распродавать богатое имущество покойного. Что-то просто раздаривал друзьям, что-то относил в кабак в счет уплаты долгов, и теперь десяток фарфоровых пастушков и пастушек-все, что осталось от старика Людвига.,Вечереет. Осенний день быстротечен и пора зажигать свечи, но пока есть открытое окно и свет еще прозрачен и

чист, можно поиграть на подоконнике. Людвиг, увлеченный солдатиками и пастушками тихо присвистывает себе под нос простенький мотив. Тот самый, который он с отцом уже неделю разучивает на клавесине. Простая мелодия может звучать совершенно по другому если прибавить вот этого маленького фарфорового скрипача и такую же маленькую пастушку с флейтой, а если добавит вот этого солдатика с барабаном и еще одного трубача...

– Бум, Бум, -бормочет Людвиг, отбивая такт ногой.

Яркое воспоминание детства -большой пожар в городе. Всю ночь небо полыхало, под утро явился грязный чумазый Иоганн. Бросив на пол полуобгоревшую шляпу, сказал:

– Все, отыгрался Монсиньи.

Жертва была лишь одна-чиновник городской управы Брейнинг. Людвиг уже где-то слышал эту фамилию и понимал, что это кто-то из важных господ. Вот ведь какое дело, если даже такие люди умирают. Через день были пышные похороны. Весь Бонн вышел отдать дань человеку спасавшему из огня городской архив. Первыми шли музыканты, за ними пышно убранный гроб в море цветов и уже за ним первый министр Бальдербуш и свита чиновников. Проходя мимо Людвиг, Иоганн лишь кивком головы поприветствовал семью. Маленький Каспар все норовил выбраться в первый ряд и поглядеть на процессию, но зажатый с двух сторон матерью и Людвигом начал плакать.

– Уведи его, -шепнула мать.

Людвиг за руку утащил брата домой.

Примерно с того времени и началась для Людвиг уже совсем другая взрослая жизнь. Рождение самого младшего братишки-Иоганна и занятия в начальной школе Рупрехта лишь добавили в эту, и без того невеселую жизнь, новые серые краски. Впрочем, капли радости

еще случались. Например, внезапно исчез, как и до того внезапно появился его первый учитель Пфайфер. То ли выгнали, то ли самому предложили уйти «по-тихому», но вздорный постоялец исчез из жизни Людвиг навсегда. Второй маленькой радостью были занятия с ван Эденом. Старый органист был настоящим мастером, умным терпеливым и опытным. Одному Богу известно, как у него на все хватало времени и сил. Уже за год Людвиг освоил начала игры на органе, а благодаря системе Ровантини неплохо играл на скрипке. Однажды настал день, когда отец подзвал его к себе, сказал:

– Хватит заниматься ерундой. Вот...

Он протянул Людвигу два нотных листка с корявыми нотами.

– Добавишь к ним свои вариации и начисто перепишешь. Можешь попробовать как пожелаешь.

– Как хочу? -спросил Людвиг.

– Как тебе вздумается, -ответил отец.

Вот это чудо! Целую неделю просидел Людвиг за клавином и несколько раз носил на просмотр Эдену. Вместе они зачеркивали, дописывали и переписывали набело несколько страничек. Через неделю все было готово. Просматривая вместе с отцом рукопись, Ровантини засомневался.

– А сам-то ты сыграешь?

Людвиг тут же сел за инструмент.

– Сыграет, сыграет, -на этот раз встал на его сторону отец.

После того, как Людвиг легко сыграл свои первые вариации, оба-Иоганн и Ровантини сели

за стол и принялись обсуждать посвящение. Надо составить документ от имени Людвиг, но стилем не детским, а вполне взрослым, серьезным. Иоганн долго слюнявил карандаш,

составляя черновик прошения. Ровантини диктовал. После нескольких часов мучений документ вышел неплохим, хоть и чуть пышным. Прочитав его еще раз Ровантини предложил «скосить» возраст автора. С восьми лет до шести. Иоганн подумал и согласился Действительно, что-то общее с этим ...Моцартом...

Еще одно событие детства-большое рейнское наводнение. Вот это уже серьезно.

Все бегают, кричат, тащат на крышу нехитрый хозяйский скарб. Одна Магдалена спокойна.

И чего пугаться, у нее на родине бывало и похуже. Но уже к вечеру обстановка меняется. Все семьи перебираются на крыши домов, по улочкам плывут мертвые свиньи и кошки, крысы

вместе с людьми забираются повыше. Визг, плач, звон падающих от воды шкафов и посуды. На большой лодке прямо под окно подплывает Иоганн. В лодке уже две семьи, но места еще есть. Магдалена по очереди передает мужу сначала Иоганна затем Каспара, а Людвиг сам прыгает в лодку. Все вместе они отплывают туда, где местность выше и где не так велик уровень воды. Ночь они проводят на крыше.

Если не считать пожара и наводнения, то жизнь в их родном Бонне крайне тиха и монотонна. Редкие праздники никак не влияют на серые будни. Иоганн понемногу скатывается вниз. Все чаще видят его в пьяном состоянии где-то у грязного кабака. Уже никто не хочет давать в долг. В театре его еще терпят- чувствуется уважение к покойному капельмейстеру. Граф Зальм и сам первый министр Бальдербуш почему-то покровительствуют Иоганну. Но это ненадолго. Сама Магдалена все чаще болеет. Особенно осенью и зимой. На дорогих докторов нет денег, а те, что приходят в один голос прописывают покой, теплый климат и хорошее питание. Когда Иоганн уже хорошо бегают, они все вчетвером (иногда с ними Цецилия)

в жаркие летние деньки идут к Рейну. Магдалена берет с собой корзинку для шитья, Людвиг книжку и такую же корзинку с фруктами. Спускаясь к реке, Людвиг всегда тянет мать и братьев к тому самому месту, у которого он был с дедом. Старый кряжистый пенек уже почти сгнил и покрылся мхом, но так же велик и могуч. Что-то общее есть у него с покойным капельмейстером. Мощь, покой, уверенность в непоколебимости всего живого на этой земле. Пока дети резвятся у реки мать успевает отдохнуть и пошить. Все чаще приходится брать подработку. Иоганн с каждым годом приносит все меньше жалованья, ученики, вероятно, сами разбегаются от него. Кому нужен такой пьянчужка. Вот и Ровантини вроде и не болел, а

внезапно умер. Теперь у Магдалены из родственников больше никого. Господи, хоть бы ее Людвиг побыстрее встал на ноги! Старик ван Эден не нахвалится Людвигом, говорит о большом будущем для него, а какое будущее у музыканта в капелле князя-архиепископа?

Такие, как старик капельмейстер Людвиг-редкость. В основном нищенское существование на жалкие гроши. Тихо плывет Рейн, шелестит летняя трава, приятно обдувая лицо. В такие минуты верится, что лучшее еще впереди, думать о плохом не хочется. Проклятый кашель. Последнюю зиму уже с кровью... Надо, надо продержаться хоть лет десять. Фантастический срок, понимает Магдалена и глубоко выдыхает, смотрит на платок. На этот раз обошлось

5

Новый органист, молодой, небольшого роста человек в опрятном сером костюме сразу вызывает у Людвигу уважение. Нет ни парика, ни трости, ни перчаток. Говорит громко, с простыми, понятными даже ему, десятилетнему, выражениями. Не сентиментален. После первого же знакомства с Людвигом сразу вывалил на стол два пухлых тома. Первый- «Хорошо темперированный клавир». Людвиг уже слышал о нем от старика Эдена. Новый органист Готлоб Нефе принимая дела после покойного принял и его лучшего ученика.

– Это твоя Библия, - строго и решительно произнес молодой мужчина. - Сможешь осилить это, сможешь и все остальное.

Людвиг взял с собой на дом один том. Вечером, когда все уснули, а отец был в кабаке, он поставил тетрадь на клавиш. Переписчик, вероятно, не отличался большой грамотностью:

помарки, перечеркивания, жирные и чернильные пятна, корявый почерк. Но все это исчезло уже через час игры. Людвиг и от Эдена слышал о Бахе, проигрывал почти наизусть прелестные сонаты Филиппа Эммануила, но этот Бах совсем другое дело. До полуночи он просидел над нотами А утром уже был у нового учителя. С собой он прихватил начисто переписанные вариации. После Баха показывать свои произведения просто смешно, но будь что будет

– Не плохо, совсем неплохо, - сказал Нефе. - Попробуем издать. Надо лишь написать вступление.

Людвиг показал лист, написанный еще с помощью Ровантини и отца.

– У меня есть еще три сонаты.

Людвиг достал из своей папки еще несколько листков. Нефе читал:

«Три сонаты для фортепиано высокочтимому архиепископу и курфюрстру Кельнскому Максимилиану -Фридриху, своему все милостивейшему государю посвящает и подносит Людвиг ван Бетховен, одиннадцати лет.

Цена 1 фл.30 кр.»

– Одиннадцать, -заметил Нефе.

– Пусть, десять. Это все отец.

– Постараюсь пристроить тебя аккомпаниатором в нашу театральную труппу к Гроссману.

Работа не больно творческая, но позволяет поддерживать форму

С приездом театральной группы Гроссмана жизнь Бонна немного оживилась. Новый курфюрстр не хотел прослыть отсталым ретроградом и кое-что разрешал. Скучные репетиции с певцами навивали грусть и тоску. Людвиг развлекался, как мог. В один из вечеров, возвращаясь с Нефе из театра, учитель сделал краткое замечание:

– Сегодня ты вывел из себя эту Флитнер.

– Она, мне показалось, так устала, что я решил ее развеселить.

– И для этого транспортировал ее арию в другую тональность?

– А неплохо получилось.

– Да, неплохо. В любой другой компании я бы и сам посмеялся от души, но там был сам Бальдербуш. Он и такие как он утверждают репертуар и дают нам хлеб... если ты меня правильно понимаешь.

– Да уж куда правильнее.

Нефе остановился, достал из бокового кармана красивые часы на цепочке. Открыл.

Часы испустили дробный мелодичный звук.

Минуту Нефе стоял, вглядываясь в сумрак. Глубоко выдохнул.

– Быстрее бы все это закончилось, -как-то странно произнес Нефе. Произнес куда-то в темноту, ни себе, ни Людвигу.

– Что-«все»?

– Я протестант, Людвиг. Это не смертельно, сейчас за это уже не жгут на кострах, но ко мне

всегда найдутся вопросы... если что...

Людвиг молча слушал.

– А у меня жена и двое детей, -продолжал Нефе.

– Наш курфюрстр еще довольно молод, -заметил Людвиг.

– Я не о том. Что-то назревает. Там, за Рейном.

– За Рейном Франция.

– Я об этом.

– Кое-кому скоро не поздоровится. Я имею в виду некоторых важных лиц.

– У нас в Бонне?

– Везде.

С тех пор между учеником и учителем установились более дружные и доверительные отношения. Часто Людвиг думал, что такие важные люди как Бальдербуши, граф и графиня Хацфельды, советник Альштен, камергер фон Шаль-все они не так уж и плохи. Любят музыку, играют, музицируют, много читают. Неужели они должны исчезнуть. Вот и новая его ученица Лорхен Брейнинг и вся ее семья. Неужели и эти милые люди могут стать лишними и ненужными в один момент. Именно в этой семье Людвиг понял, что вот так, совсем близко есть семьи, где не пьют, не ругаются, нет злости и бедности. Где все члены семьи любят друг друга

и совершенно спокойно общаются друг с другом. Все тот же Бальдербуш посоветовал уважаемому семейству взять в учителя музыки для Лорхен Людвига. Глава семьи советник Брейнинг погиб на пожаре, молодая вдова с тремя детьми Елена Брейнинг, дочь Лорхен, сыновья: старший Христиан, средний Стефан и самый младший -озорник и забавник-Лоренц. Странно, но есть еще семьи где родители целуют своих детей даже тогда, когда выходят в соседнюю комнату. Впервые Людвиг видит столько книг в одном месте и слышит красивую, правильную иностранную речь. Слуга почтительно открывает перед Людвигом дверь, кланяется, вежливо указывая на столовую- гостиную. Есть даже особые дни просто

для визитов. В такие дни Людвигу не нужно заниматься с ученицей и можно просто расслабиться в семейной обстановке. Людвигу вовсе не льстят поклоны слуг, вежливое обращение на «вы» не вызывает восторга. Он прекрасно знает цену этой вежливости.

Достаточно он насмотрелся на таких слуг в передних аристократов.

Сейчас вечер. Вся семья в сборе. Елена Брейнинг во главе стола внимательно следит за детьми. Слуга подает чай и пирожные. Чай большая редкость и Людвиг старается не так жадно пялиться на сладкое.

– А что ты сейчас читаешь? -спрашивает Елена Людвига.

Какой позор! Людвиг не может назвать ни одной книги кроме Библии и «Хорошо темперированного клавира». Последнее не в счет.

Мудрая хозяйка вступает за Людвига.

– Можешь взять любую книгу из библиотеки.

Людвиг взглядом обводит шкафы с книгами. Неужели любую. Пока он восторженно размышляет, Элеонора спрашивает у старшего, тринадцатилетнего Христиана:

– Что ты сейчас читаешь?

Христиан подходит к шкафу и берет книгу. Вся она в закладках, вероятно, его любимая.

Почти наизусть, мельком поглядывая на страницу, читает: «Желая однажды отговорить римлян от требуемой ими не вовремя раздачи хлеба, он начал свою речь следующей фразой».

Стефан почти вырвал книгу из рук брата.

– А мне нравится другое место, -быстро выпалил он и добавил по памяти: «Царь-прекрасный человек и любит римлян.-Пусть так, -отвечал Катон, но царь-плотоядное животное».

Стефан гордо, подобно римлянину, обвел всех взглядом.

– Не стоит всему верить буквально, -говорит Елена.-Это только Плутарх.

– Но это Катон, мама, -заступилась за Плутарха Лорхен.

– А сама-то ты, что читаешь, -спросила мать.

– Стихи она читает, -задорно произнес Лоренц и хитро захихикал.

– Ну, расскажи. Надеюсь, наизусть.

– «Прекрасная ночь», -продекламировала Лорхен.

– Хорошее начало. Начинай... можешь сидя.

– «Покидаю домик скромный

Где моей любимой кров

Тихим шагом в лес огромный

Я вхожу под сень дубов».

– Кто автор? -спросила Елена у Стефана.

– Гете, мама.

– Правильно.

– А у нее под подушкой книга, -снова не унимался младший -Лоренц.

Мать сурово посмотрела на дочь. Лорхен встала и вышла.

– Какие-то «страдания», – не унимался Лоренц, но тут же получил затрещину от Стефана.

– Успокоились все, -спокойно произнесла мать.

В комнату с книгой вошла Лорхен.

– Вот...

– Снова Гете-«Страдание молодого Вертера».

Мать минуту молча листала страницы.

– Не стоит подчеркивать-так ты портишь и книгу и себя. Лучше память. Но текст неплох:» Все

проходит, но и вечность не охладит тот живительный пламень, который я выпил вчера с твоих

губ и неизменно ощущаю в себе! Она меня любит! Мои руки обнимали ее, мои губы трепетали

на ее губах, шепча из уст в уста бессвязные слова».

Минуту все молчали. На несчастную Лорхен было страшно смотреть.

– Мне кажется, с «страданиями» ты поторопилась, -спокойно сказала мать и положила книгу себе в сумочку для вязания.

– Да, мама.

– Стихи Гете лучше.

– Да, мама.

– Но за память хвалю. А что у тебя?

Настал черед Стефана. Вероятно, он готовился заранее. Встав на маленький стульчик, одну руку завел за спину, другую ладонью повернул к потолку. Вид у него был смешной и немного суровый. Он начал декламировать:

– «К сыну потом обратясь, он бросил крылатое слово Друг Телемах, наступила пора и тебе отличиться Там, где, сражаясь, великою честью себя покрывает Страха не знающий муж. Окажися достойным породы Бодрых отцов, за дела прославляемых всею землею».

Все молчали. Стефан еще минуту декламировал. Выдохнул, встал на пол и отставил стул.

– Гомер -всегда Гомер, -удовлетворенно произнесла мать. Обратившись к Людвигу, заметила:

– Выбери и себе книгу, Людвиг.

Людвиг подошел к шкафу. Глаза разбегались.

– Советую Шекспира, -подсказал Стефан.

– Правильно, -согласилась мать.

– Клопштока, -дала совет Лорхен.

– Не стоит.«Мессиада» слишком громоздка. Лучше» Басни» Лессинга.

Людвиг взял обе. Домой он летел словно на крыльях. Это был тот редкий вечер, когда он был немного свободен. Почитать несколько часов перед сном, подумать о завтрашнем дне и хорошо выспаться. Если младшие не помешают, конечно. Каспар уже неплохо читает по слогам, а Иоганн все повторяет за старшими братьями. С ними тоже возни хватает. Может,

мать попросит ей помочь-в последний год она часто болеет, кашляет, а иногда с кровью. Отец или делает вид, либо просто не замечает этого. Мать молчит. Сейчас на маленькой кухоньке сидят отец и Нефе. Первая мысль Людвиг-Нефе пришел неспроста, он недоволен Людвигом и сейчас отец начнет кричать и махать руками, бить посуду и угрожать матери. Он уже несколько лет не бьет Людвиг, а Людвиг уже не обращает внимания на запой отца. По негласной договоренности с матерью они оставили Иоганна «в покое». Борьба с пьянством уже нет ни сил ни желания. Сейчас главное это здоровье матери и служба Людвиг. Нет, Нефе пришел за другим.

– И двух месяцев не прошло со дня вступления нового князя-архиепископа. Я все понимаю-новая метла метет по новому и я ожидал худшего, но он милостив. Могло быть и хуже, учитывая мое вероисповедание.

– Все равно я вам благодарен за Людвиг. Ни один человек не сделал бы для него столько, —

сказал Иоганн и в подтверждении своих слов подал Людвигу лист бумаги.

Людвиг прочел. Это не почерк Нефе и не красивый секретарский. Видимо, кто-то наскоро переписал для Нэфе этот документ.

«Христиан Готлоб Нефе (тридцать шесть лет, женат, две дочери, служит три года, был капельмейстером в театре, содержание четыреста флоринов) органист по моему беспристрастному мнению, может быть уволен, так как неважно играет на органе. кроме

того, он приезжий. без всяких заслуг и исповедует религию кальвинистов. Если Нефе будет уволен, то должен быть назначен другой органист за сто пятьдесят флоринов-он еще маленький мальчик, сын придворного музыканта и уже исполнял в течении года эти обязанности очень часто».

– Мне это переписали друзья. Как бы не повернулась моя судьба, а ваш Людвиг должен идти вперед.

У Магдалены в глазах слезы. Людвиг держит в руках бумагу и понимает, что этот «сын придворного музыканта» это он. С одной стороны это первая взрослая должность и теперь

времени совсем не будет. Занятия с Лорхен придется либо сократить либо совсем прекратить. Что делать?

6

Людвиг внимательно смотрит на себя в зеркало. Что нового? Да вроде бы ничего, но что-то новое есть в его отражении. Может прическа? Черные жесткие, коротко подстриженные волосы спрятаны под парик. Особенно хороша косичка с ленточкой. Лоб большой, широкий, может слишком большой для четырнадцатилетнего подростка. Нос? Нос нормальный, не такой длинный и тонкий как у матери, а чуть мясистый и тоже широкий, более всего-нос деда. На портрете, что висит в их доме именно такой нос. Вот глаза мамы. От этого не уйдешь. Рост немного мал, но тут уж ничего не поделать. Пальцы тоже удались-

легко брать октавы пошире. И самое главное! Шпага! небольшая не детская, но шпага. По заведенному обычаю именно с ней он должен являться и ко двору и на репетиции в присутствии архиепископа. Такие дни случаются не часто, но все же бывают. Белоснежные панталоны, туфли с небольшими (как по его возрасту) каблуками и сюртук с блестящими пуговицами. Смуглое круглое лицо смотрит сейчас на него из зеркала. Улыбаться не хочется.

– Ты готов?

Вопрос Нефе мог бы и не задавать. Людвиг приоткрывает дверцу и делает шаг к занавеске,

из-за нее старается заглянуть вниз, на скамьи храма. Там, среди слушателей и прихожан церкви много знакомых лиц. Там и отец и чета Фишеров, и вся семья Брейнингов и множество музыкантов их капеллы. На передней скамье граф Зальм и сам первый министр фон Бальдербуш. Сразу позади несколько пожилых господ в огромных париках и с тростями. Прямо дедушки. Это комиссия, которая должна утвердить его, Людвиг, в должности помощника органиста. Именно для этой цели он и сочинил две органые пьесы, конечно, без помощи Нэфе не обошлось, но сам Нефе настоял, чтобы Людвиг принял на себя все авторство. Вот и Нэфе, он уже внизу. Сейчас Нэфе что-то говорит его брату Каспару, треплет его по волосам и хлопает по плечу их отца. Отец улыбается и смотрит вверх, прямо в сторону занавески. А вот Нэфе машет рукой. Пора начинать. Еще вчера вечером он сказал Людвигу:

– Я не буду с тобой рядом. Поменьше будут болтать. ОНИ должны видеть только тебя за инструментом.

Тогда Людвиг заметил:

– Эта fuga в ре мажоре написана с вашей помощью, учитель, и кажется...

– Хватит! Ты слишком щепетилен. Я знаю десяток тупиц старше тебя, которые без стыда присваивают чужие произведения. Ты в сто раз талантливее..Вперед!

И вот сейчас последний кивок головы-надо начинать. В игре пролетели десять минут. Людвиг ничего не замечал, кроме нот, он весь вспотел, с трудом управляясь с клавишами. Огромный инструмент, подобно великану, был сейчас усмирен и покорно выполнял любой приказ его маленьких пальцев. Ни о чем не думать кроме этих нот и клавиш, выдержать еще несколько минут... Заключительный аккорд... Тишина... Еще несколько

минут Людвиг тяжело дышал, ожидая, когда уймется сердцебиение, перестанут трястись колени и пройдет дрожь в руках. Платочком вытер лицо и шею, расстегнул верхнюю пуговицу-сейчас не до этикета. Прошло пять минут... десять... пятнадцать... Шагов на лестнице нет. Из-за занавески Людвигу видно, как Нэфе сидит на отдельной скамье с НИМИ. Эти двое должно быть и есть строгая комиссия, которая должна прослушать Людвигу. Оба

указывают рукой куда-то наверх, вероятно, на него. Он видит Элеонору Брейнинг и Лорхен, обе в скромных темных платьях, но выглядят все равно прекрасно. Мать что-то говорит дочери и она тоже кивает головой в сторону двери. Отец на самой дальней скамье оживленно беседует с младшим Зимроком. Оба улыбаются. Наконец Нэфе отходит от экзаменаторов и направляется к лестнице. Людвиг с волнением возвращается к органу.

– Ты принят, -без предисловий говорит Нэфе.-Я еще твои вариации показал.

– Это на тему Дресслера?

– Да. С недели можешь приступать к службе. Я частенько буду в театре, тогда вечерняя служба на тебе

– Надо поблагодарить их лично? Я могу.

Людвиг направился к двери, но Нэфе остановил его.

– Не надо. Если кого и благодарить, то нашего первого министра. Уж к нему-то они прислушались. А еще твоего деда-они его прекрасно помнят.

С этого дня и началась взрослая жизнь Людвигу. Непонятно, печалится или радоваться этому. С одной стороны-маленькое, но твердое жалование и уверенность в завтрашнем дне, с другой-адская неизбывная усталость, которую не исцелят ни праздники ни друзья, ни, тем более, семья. Уже теперь понятно, школу придется бросить. Физически на нее не хватает даже времени. Никуда не деться от уроков с учениками и подработке в оркестре. На скрипке и клавесине он уже давно мастер. Иногда во время болезни кого-нибудь из скрипачей Людвигу

приходится замещать больного. А еще есть религиозные и светские праздники, гости архиепископа, охочие до музыки и конечно же крестины, похороны, мессы. Ни одного свободного дня. Оба брата уже учатся. Каспар неплохо бренчит на клавесине, но не более. Иоганну, вероятно, медведь на ухо наступил еще при рождении-к музыке вообще безразличен. Сейчас только Людвиг чувствует, как далеки от него его родные братья. И отец. Он еще держится молодцом, служит в оркестре (правда уже не поет, голос пропит и трескуч) но его

еще держат, памятуя, все о том же старом капельмейстере. Людвиг опять понимает, что это не

надолго. Еще год-два таких запоев и отцу просто предложат покинуть капеллу «по-хорошему». Остается мать. Последний год она все чаще проводит в постели. На последний день ее именин в один из теплых летних вечеров он с друзьями музыкантами из оркестра и отцом устроили маленький торжественный концерт.

– Сюрприз, -сказал Людвиг маме и запер перед ней дверь кухни.

Быстро музыканты разложили ноты, быстро зажгли все свечи около большого дедовского кресла, подвесив легкую прозрачную ткань над ним-получилось что-то вроде балдахина.

Отец придерживал дверь, чтобы Магдалена не открыла раньше времени. Людвиг и Франц Рис первыми уселись за инструменты. Зимрок и Рейха остались стоять по обе стороны кресла.

– Запускай, -тихо произнес Людвиг.

Отец широко и торжественно распахнул дверь, картинно, словно перед герцогом, отвесил поклон. Мама зашла в полутемную комнату. Улыбнулась: ох уж эти секреты, каждый год одно и то же, но все равно-приятно. Людвиг, как галантный кавалер, ведет мать под балдахин, усаживает в глубокое кресло. Отец вместо дирижера взмахом руки начинает серенаду. Друзья тихонько, сняв туфли, пританцовывают вокруг матери. Людвиг со скрипкой в руке еще успевает мурлыкать как кот, младшие братья хохочут, зажимая друг другу рот. В этот час соседи с низу вероятно уже спят, надо быть поскромней. Долго мать высидеть не может. Целует сыновей и в сопровождении Иоганна уходит в спальню. Теперь она и сидит с трудом. А что же будет дальше? Людвиг перебирает в руках довольно объемную пачку нот- это

то, что написано и пишется сейчас: Девять вариаций на тему Дресслера, песня «Образ девушки», 3 сонаты для клавесина с посвящением архиепископу, Рондо для фортепиано,

концерт для клавесина или фортепиано, сочиненная органная fuga и, наконец, совсем недавние три квартета для фортепиано. Сейчас Людвиг показывает Лорхен вариации на тему Моцарта. Это уже серьезно.

– Можно откровенно? -спрашивает Лорхен.

– Конечно.

– Я ничего не смыслю в квартетах. Сонаты-другое дело. Мать просит тебя задержаться сегодня после ужина. Будет какой-то важный гость и она хочет тебя познакомиться.

– Случайно не новый архиепископ?

– Нет, но он, так говорят, его друг. Она клялась, что тебе это знакомство просто необходимо.

А как твой Лессинг?

– Неплохо. Смысл есть.

– А что больше

– «Волк и овца»Овца пожаловалась на колючку в копыте и попросила волка помочь. Вот он и

помог... по-своему, конечно.

Людвиг выждал несколько минут, потом, волнуясь, попросил:

– Может дашь мне те стихи... Гете... кажется...

– Да, конечно.

Лорхен вышла в свою комнату.. Но тут же вошла ее мать.

– Куда она? Я просила помочь ее за столом. Ладно, пошли, Людвиг.

Вместе с Еленой Брейнинг Людвиг медленно прошел в гостиную. Там уже двое слуг заканчивали приготовление к ужину. По количеству приборов и пышности блюд Людвиг догадался, что будут»высокие» гости. Не менее двух.

– Садись, -пригласила Елена.

Людвиг послушно сел. Тут же зашла Лорхен с книжкой.

– Продолжаешь читать, хорошо, -похвалила мать, но смотреть книгу не стала. Людвиг поспешил положить маленький коричневый томик к себе на колени, прикрыв его салфеткой.

Раздался колокольчик. Высокий слуга возник в проеме двери. Громко произнес:

– Граф Фердинанд фон Вальштейн с другом.

Все встали. Даже младший- Ленц. Створки двери распахнулись. Два молодых человека появились в комнате. Первый из них мог и не называться графом. Одежда и осанка и вправду

выдавали его графский титул, белоснежный парик шел к его расшитому золотыми нитями камзолу с позолоченными пуговицами и туфлями с блестящими пряжками. Трость изящно дополняла этот образ. Второй молодой человек стоял чуть позади графа и одет был не так блестяще. По первому взгляду-чиновник, может начинающий Юрист или студент из зажиточной семьи.

Граф сделал несколько шагов к хозяйке.

– Ну, не так пышно, я еще не архиепископ, -произнес он и поцеловал руку хозяйке долгим, почтительным поцелуем. Лорхен отвесила глубокий поклон, наклонив головку на бок, как, вероятно, учила ее мать. Молодой человек за спиной графа отвесил поклон.

– Франц Вегелер, -спокойно сказал он.

Мать, дочь и Людвиг поклонились.

– Ну, хватит церемоний, -сказал граф Вальдштейн и, повернувшись в сторону Людвига, сказал:

– Это Вы, господин ван Бетховен.

Не вопрос, а утверждение. Людвиг еще никогда не называли господином. Он кивнул.

Все сели. Двое слуг стали наполнять тарелки. С лица Элеоноры не сходила улыбка.

Людвиг с

интересом наблюдает за Лорхен. Не меняя наклона головы она продолжает улыбаться, но теперь Людвигу не нравится эта улыбка. Как все фальшиво, наиграно. Зачем ей улыбаться этому незнакомцу, которого она знает пять минут. Элеонора что-то весело рассказывает графу, тот лучезарно улыбается. Да, в шарме ему не откажешь -столичная штучка.

– Грядут большие перемены, уважаемая госпожа Брейнинг. Я, поверьте мне, знаю это лучше других.

– Вы приехали с его двором? -спрашивает госпожа Брейнинг

– Да. Мы уже месяц в Бонне. Неделю были в Кельне, но ваш Бонн просто рай. Максимилиан осмотрел резиденцию архиепископа и остался весьма доволен. И, это по секрету, нас ожидают приятные новшества.

– Я где-то читала: не дай Бог жить во времена перемен, -сказала Лорхен.

– Уж это точно не про нас, -сразу ответил Вегелер.

– Как знать, -ответила хозяйка. Помолчав, добавила:-Одно обнадеживает-он молод-наш архиепископ.

– Да, Двадцать восемь лет. Сейчас что-то назревает. Это все чувствуют. От императора до кучера. Здесь, у вас... у нас... извиняюсь, это не так заметно, а вот в столице на все смотрят по иному. Наш век требует иного подхода. По старинке уже не получится, а потому в планах собственный театр, общественные читальни и самое главное -Университет. Просвещение, просвещение и еще раз просвещение!

Молодой граф с энтузиазмом рубил воздух рукой, заметно, что он знает гораздо больше, чем говорит.

– А что с театром? -спросил Людвиг.

Его эта тема интересовала больше всего.

– Основа театра -репертуар. Наш молодой архиепископ не из тех закорюченных старых пеньков и сразу взялся за дело. Он при мне беседовал с Моцартом, он хочет пригласить на должность

главного концертмейстера и доверить ему весь репертуар. Гайдн тоже не плох, но возраст и большая загруженность ему сейчас не позволят принять пост. О Сальери и не говорю. Он на такой высоте, что спускаться не в его правилах. Кстати,«Папа» сказал, что в планах у него Англия, но Максимилиан и я в один голос пригласили его в уже наш Бонн.

Людвиг не верил своим ушам. Если бы он стоял, то в этот момент просто упал бы на стул: разговор с Моцартом,«Папа» Гайдн, Сальери... Неужели он увидит Моцарта или Гайдна! Вальдштейн меж тем продолжал:

– И у меня есть несколько идей: как вам музыкальные вечера? Не дожидаясь ответа продолжил:-Наши музыкальные семьи, я думаю, будут не против.

– Конечно, -согласилась Елена и кивком головы указала на Людвигу.-Наш начинающий композитор и гордость-Людвиг Бетховен.

Людвиг чуть привстал с легким поклоном в сторону Вальдштейна.

И Вальдштей и его друг ответили простым поклоном в ответ.

– Я уже назову хоть три, -ответила Лорхен.-Вольф-Меттерних-раз, Два- барон Вестерхолт с сыном и дочерью, три -Готфрид фон Мاستьо, у него четверо сыновей и дочь.

– Я иногда даю ей уроки на фортепиано, -успел вставить словцо Людвиг. Он мог бы сказать, что дает такие же уроки красавице Вильгельмине Вестерхолт и уже сочинил для них Трио и простенькую мелодию. Так... мелочь. Признаться, что все чаще приходит к Лорхен Брейнинг у Людвиг не хватило духу.

Но в эту минуту вошел слуга. Почтительно поклонился, произнес внятно:

– Господина ван Бетховена просят выйти.

Людвиг встал. Почтительный поклон на обе стороны, дамы чуть привстали.

– Извините.

За оградой его ждали Готфрид, Цецилия и брат Каспар. Все трое тяжело дышали, видимо, они бежали.

– Быстрее, Людвиг, там... отец... у Хойзера...

Людвиг все понял. За насколько минут они уже были у дверей кабака. Иоганн лежал на пороге, свесив голову на ступеньку. С носа текла кровь. Вероятно, при падении, он ударился, но теперь в хмелю ничего не чувствовал.

– Подхватывай, -сразу сказал Людвиг.

Сам он схватил отца за плечи и, повернув, обхватил другой рукой. Готфрид придерживал Иоганна за пояс. Цецилия шла сзади, страхуя на всякий случай. Как назло был летний воскресный день, почти центр города. Маленькая компания двигалась медленно, с остановками-Иоганн все старался выскользнуть из рук молодых ребят, почти не держась на ногах. Прохожие с интересом приглядывались к компании. Почти все -знакомые. Людвиг сгорал от стыда.

– Давай сюда! -сказал он и жестом указал на тупик. Друзья протащили Иоганна и прислонили к стенке. Напрасно, Иоганн не стоял на ногах.

– Давай, пусть сидит, -сказал Готфрид и вытер пот со лба.

– Каспар, беги домой, предупреди мать, а ты, поищи хоть какую-нибудь телегу.

Цецилия кивнула и убежала за поворот. Прохожие, как назло шли каждую минуту. Людвиг повернулся спиной к улице и лицом к отцу. В эту минуту Иоганн начал приходить в себя. Узнал сына.

– Ааа...

Рукой потянулся к Людвигу.

– Молчи, -прошипел Людвиг тихо.

Люди все шли и шли. Этот позор никогда не кончится.

Иоганн все пытался заговорить, размазывая кровь по лицу. Потом сделал попытку подняться. Неудачно. Людвиг подхватил отца и силой усадил на землю.

– Сиди, -снова зло прошипел он.

Да когда же это закончиться?!

Через минуту прибежала Цецилия.

– Давай его!

Вместе с Готфридом они подняли Иоганна. Несколько шагов за поворот и телега с сеном.

– Укроем его сеном и довезем, -сказал Готфрид.

Втроем они с трудом уложили Иоганна на телегу и засыпали сеном. Рядом сел Людвиг.

Через десять минут телега остановилась. Каспар уже открывал дверь.

– Иоганн в школе? -спросил Людвиг.

– Нет, где-то бегаёт, -ответил Каспар.

Магдалена с трудом спустилась с лестницы. Она молчала. Молча вместе с Людвигом уложила мужа в постель, принесла теплую воду и полотенце, молча умыла от крови лицо мужа,

молча и медленно вышла. Теперь она все больше молчит и лежит в постели. Редко встает. Соседка приходит и стирает-на это уходит несколько монет, но другого выхода нет. Это Людвиг понимает.

Внезапно на Иоганна находит «просветление» и он немного приходит в себя.

– Людвиг, сынок...

Мутным взглядом смотрит на сына.

– Такой важный господин... ты... мальчик... Магда...

Мать не выходит. Она слышит, но не выходит. Каспар уже убежал и теперь Людвиг сидит рядом с отцом. Закрыв лицо руками он плачет. Плачет, как и мать. тихо, беззлобно, не проклиная. На злость уже нет сил. Какая разница между домом Брейнингов и его. Почему так? Может он сам виноват. Не стоит так увлекаться фантазиями. Его мир-его мир, их мир-их мир. И эти два мира не должны встречаться, так будет лучше для всех. Но, Господи, эти слова: «Моцарт сказал», «Папа обещал» и прочее. Есть еще Вена, император, Пратер и музыка...

Не та музыка, что существует и звучит здесь, в Бонне, а МУЗЫКА с большой буквы. И еще он понимает-надо учиться. Если не у Моцарта, то у Гайдна, а сделать это сейчас просто невысказано.

7

Уже давно пора выносить тело, но Людвиг все медлит: еще несколько минут пока закроют крышку и ее лицо навсегда исчезнет из его жизни. Гроб уже снесли на первый этаж и поставили на два стула, на кухне хлопочет нанятая на день стряпуха, пахнет жарким, еще чем-то, но сейчас шум тарелок, возня и шипение только раздражают. Побыстрее бы все закончилось... Лицо матери стало почти кукольным, совсем крошечным. Умелый мастер,

специально нанятый, нанес белила и мел на лоб и щеки, ушла жаркая чахоточная краска и лишь нос остался таким, каким и был при жизни-длинноватым, тонким, слишком тонким.

Волосы аккуратно зачесаны назад, на венки нет денег и лишь мамин костяной гребень удерживает их по бокам. Тонкие руки наконец-то спокойно покоятся на груди: они отдыхают.

Что ж так все не вовремя! Уезжая в Вену к Моцарту с рекомендательными письмами Вальдштейна в кармане два месяца назад он, конечно, на многое и не рассчитывал. Главная цель-занятия с Моцартом, а там, как Господь поможет. Граф напутствовал:

– Несколько адресов у тебя есть, ван Свитен о тебе уже знает и к нему первому, а там уж и к

Вольфгангу. Попасть к нему просто так, «с улицы» невысказано. К таким господам-не обижайся Людвиг-просто не заходят. Из кассы архиепископа на твое имя в Вене переведут сумму, или кто-то передаст. Не много, но на первое время хватит.

Елена Брейнинг и Франц Вегелер за два дня до отъезда от себя передали небольшую сумму.

Зная шепетильность Людвиг в этом вопросе, мудрая Елена заметила:

– Это аванс архиепископа и всего несколько монет от нас.

Людвиг молча кивнул.

Две недели в Вене пролетели, как один день. Людвиг поразила дороговизна жизни в столице. Он и раньше слышал о ценах, но не представлял что все так дорого: чашечка кофе и две булочки с каким-то сомнительным повидлом внутри-его дневной рацион. Пешком до дома ван Свитена и обратно, о простой прогулочной коляске, а тем более пролетке и думать нечего. Квартира посуточно (обязательно с фортепиано) влетела ему в половину той суммы, которую он привез из Бонна. Ни служанки, ни экономки, ни портного. Прическа,

костюм, весь внешний вид не последнее дело в императорской столице. И вот слова Моцарта:

– Это все?

Ван Свитен посоветовал Людвигу сыграть для маэстро одну из сонат Филиппа Эммануила Баха- вещь, которую Людвиг знал и любил.

– И это все?

Небольшого роста человечек стоит позади него и держит в руке бильярдный кий, в соседней комнате смех, звон бокалов и музыка. Может, он не вовремя?

– Он гениально импровизирует, задай ему тему, Вольфганг.

Спасибо, ван Свитен. Из-за спины Людвиг маленькая рука в красивом кафтане, чуть убеленном мелом, выстукивает четыре ноты. Это вызов! Что-то похожее на «Свадьбу Фигаро».

Теперь Людвиг может показать себя. Десять минут пролетают мгновенно, краем глаза он успевает уловить выражение лица ван Свитена- доволен. Доволен он, доволен и Вольфганг.

Молчание. Маленький пучеглазый человечек стоит перед Людвигом, опираясь на кий.

– Ваше мнение, Вольфганг?

– Да, из него будет толк. Пусть приходит ко мне два раза в неделю

Поворот и Вольфганг исчезает за дверью. Людвиг остается с ван Свитеном. Уже на улице ван

Свитен говорит:

– Это успех, Людвиг. Все остальное не важно. Я поговорю о днях и часах занятий, а вы идите домой и готовьтесь, ваш адрес я запомнил.

Три дня Людвиг просидел безвылазно в своей каморке, ожидая хоть записки от Свитена. Ничего. На четвертый, придя к дому барона, он узнал, что Свитен куда-то срочно отбыл. Несколько дней он бродил по Пратеру, часами просиживая на скамейке, размышляя о будущем. Деньги заканчивались. И тут пришло письмо из Бонна. Умирает мать. Через три дня он был дома. Полугодовалую Гретхен отдали кормилице, кормить у матери уже не было сил. Лишь один раз взглянул Людвиг на свою единственную сестру и снова не отходил от матери. Братья уже довольно взрослые и самостоятельные как могли помогали Людвигу, а он разрывался между театром, братьями, матерью и уроками. Иоганн окончательно катился по наклонной. Чувствуя, что жена доживает последние недели, вообще потерял контроль над собой. Впрочем, и сам Людвиг и братья махнули на отца рукой. Так прошли еще три последних месяца, и вот вчера она отошла в мир иной.

– Пора, -тихо произнес Андреас Ромберг.

– Да, выносим, -согласился Людвиг и встал.

Два брата Ромберги, Готфрид Фишер и Людвиг подняли гроб. Господи, какая же она легкая! Во дворе ждали Лорхен и Ленц Брейнинги, Рейха и старший Рис. Цецилия и еще несколько женщин остались в доме готовить скромную трапезу. Все прошло быстро и без церемоний.

После смерти матери жизнь для Людвиг потянулась обычной колеей. Не добавила радости и смерть годовалой сестренки. Людвиг воспринял ее, как что-то данное судьбой

свыше. Мало радости в нашей жизни, и даже артисты и писатели, стоящие ближе к боже-

ству, испивают чашу бытия до дна. Есть, правда, счастливицы, которые идут по жизни просто и светло, ничто, кажется не омрачает их чело, такие, как Гете,..но и ему, вероятно, приходится бороться за эту жизнь. Год пролетел в заботах и слухах. Что-то назревает там, за Рейном. Это

ощущается в разговорах, газетах, университете, в который Людвиг записался с новым другом, художником Кюгельгеном, в общественных библиотеках и читальнях. Пришел новый австрийский император, и какие-то неясные надежды будоражат умы. Но это там, в Вене, а здесь, в Бонне, все тот же затхлый мирок интриг, слухов, домыслов и басен. Сейчас Людвиг сидит в тесном кружке друзей в маленьком ресторанчике вдовы Кох, потягивает пиво и ждет,

когда Фран Вегелер выскажет свое мнение. Кюгельген покуривает большую трубку, читает газету, искоса наблюдая, как очаровательная Барбара разносит подносы с едой. Как она наклоняется, как протягивает голые по локоть руки и прячет сдачу за лиф платья.

Сейчас уже осень, не так и жарко, но в этом небольшом ресторанчике многолюдно и душно, а девица улыбается и подносит очередную кружечку друзьям.

– Еще по одной? -лукаво спрашивает Кюгельген,

– Если она еще раз наклонится и примет сдачу... -соглашается Людвиг.

Словно угадав желание, красotka с тремя бокалами низко склоняется над друзьями, несколько мелких копченых ребрышек для закуски и салфетки на стол.

– Что-то еще?

Все трое дружно выдыхают.

– Да, -говорит Людвиг.

– Да-да, -говорит Кюгельген.

Старший среди них- Вегелер, – молча откладывает листок, который принес Людвиг.

– От этой бумаги нет теперь толку, надо составить новую.

– Поэтому я и пригласил тебя, я не мастак в прописях и словесности. Ноты-да, но не эта канцелярщина.

«Придворный музыкант ван Бетховен честь имеет доложить, что продолжительная и упорная болезнь жены привела его в крайне плачевное положение, он был принужден заложить и продать все свое имущество, так как лишен ныне вместе со своими малыми детьми средств

к существованию. Поэтому он покорнейше умоляет о выдаче ему ста талеров».

– Я не удивляюсь, что наш Макс Франц уже год молчит, -заметил Вегелер и отложил записку.-Ты говорил с Вальдштейном?

Людвиг согласно кивнул. Скромно он следил за движениями Барбары.

– Не смотри в ту сторону, дружище, -просто произнес Кюгельген и снова глубоко вздохнул.

– Не мой уровень?

– Не НАШ, -кратко ответил Вегелер и тихо добавил:-Там племянша нашего Бальдербуша ошивается.

Франц Вегелер был вхож в высокие боннские круги и имел более полную информацию по такому вопросу. Вся компания еще раз глубоко выдохнула. Все трое рассмеялись.

– Давай так, -заметил Франц, -Я подготовлю черновик к архиепископу, ты внимательно прочтешь, перепишешь... если согласен, и вместе с Вальдштейном подашь от своего имени. Это оптимальное решение.

Людвиг снова согласно кивнул. Друзья отпили по глотку.

– Почему не был в университете? -спросил Кюгельген.

– Сейчас столько всего навалилось, Просто не представляю, куда бежать. Все, что не делаю-

словно в песок! Кантата на смерть Иосифа-провал, не нужна, кантата на восшествие Леопольда-тот же результат. Бог свидетель, я стараюсь, но в сутках двадцать четыре часа, а неделе семь дней, а у меня всего две руки.

Друзья молчат. Что тут скажешь? Людвиг мог бы рассказать о планах на братьев, но вряд ли

это нужно. Сейчас братья заметно подросли и теперь новая забота-пристроить их к взрослой жизни. По крайней мере, Каспара. С Иоганном пока подумает. Кюгельген решает переменить тему. Тихо, почти секретно, спрашивает:

– О Фостере слышал?

– Нет, -ответил Людвиг.

– Вот и видно, что не ходишь на лекции нашего аббата Шнайдера. Много теряешь.

– С него такой аббат, как с меня балерина, -тихо заметил Вегелер.

– Он получает книги из самого Парижа. Слышал бы ты, что он говорил о Руссо. Мурашки по коже!

– Я слышал его лекцию о Канте. Попробую разобраться на досуге... если таковой случится.

– Сейчас за Рейном что-то заваривается, -уже совсем тихо прошептал Кюгельген.

В подтверждении своих слов он вынул из бокового кармана сложенный вчетверо листок, осмотрелся.

– Вот, переписал на лекции, это из Форстера.

«Мы ответим перед небом и землей, если упустим возможность установить у себя новый строй».

Людвиг сложил листок и отдал его обратно.

– У меня много таких записок, -пообещал художник.

– За Рейном настоящая жизнь, -заметил Кюгельген.– Вольтер, Бомарше.

Друзья дружески молчат.

Наступал вечер, конец трудового дня. Маленький ресторанчик в это время наполнялся простым и не сильно простым людом: музыканты, писари, чиновники, секретари, мелкий чиновный люд постепенно заполнял столики. Несколько скрипачей и флейтист терзали искусственный слух знатоков и любителей. На входе показались братья Ромберги. Примитив знакомую кампанию, замахали.

– Давай... -пригласил Людвиг.

Оба брата подсели к компании.

– Есть хорошие новости, -сказал Ромберг, -Наш архиепископ собирается на съезд своего ордена, поплывем по Рейну и Майну. Летом в следующем году. Сами они поедут по-суху, а мы поплывем по волнам.

– Музыканты? -спросил Людвиг.

– Еще театральная труппа-немного, человек двадцать. Это в Бад- Мергенхайме.

– Далеченько, -прикинул в уме Вегелер.

Обычные дни продолжают идти своим чередом. Кюгельген был прав: по вечерам у Брейнингов, по беседам с университетскими друзьями, по книгам и газетам (особенно исчезнувшим, как-то внезапно, французским) понятно, что за Рейном что-то назревает. Слухи самые тревожные.

В один из вечеров Стефан Брейнинг воодушевленно декламирует «Разбойников» Шиллера.

Вся маленькая компания затаив дыхание, слушает, Людвиг едва дышит. Раньше он думал,

что «Дон Карлос» это предел Фридриха, но оказывается есть еще и «Ода к радости», есть и

«Фиеско». На все просто не хватает времени, и теперь Людвиг внимательно просматривает

листок с переписанной одой.

– Как тебе? -лукаво спрашивает младший- Ленц.

Он уже довольно взрослый, чтобы понимать смысл этих слов.

– К радости или свободе? -так же лукаво спрашивает Людвиг.

– Не стоит слишком задерживаться на таких стихах. Драмы этого Шиллера куда лучше. Все просто соглашаются с матерью. Старший Стефан пробует возразить.

– Если бы ты, мама, слышала, что говорит на лекциях наш Шнайдер!

– И что же он говорит?

Это ловушка, сейчас мать узнает, чем живут ее дети. Но дети не подозревают, наивно начинает рассказывать Стефан:

– Лессинг и Гердер уже в прошлом, сейчас Гете и Шиллер, Спиноза и Декарт устарели, а в моде тихий отшельник из Кенигсберга. Долго объяснять, но он обязательно расскажет матери о

странном философе. И, главное, есть Руссо! Вот кого чтут сейчас в Париже и теперь мысль и свободу не сдержат.

– Ну а главный реакционер-я, -произносит с иронией Елена Брейнинг.

Людвиг увлеченно слушает, Ему нравятся такие сражения.

– Боюсь, у меня другие сведения. Не все так просто в вашем любимом Париже

Я получаю письма и с Берлина и с Вены и информации у меня побольше.

– Мама... -прерывает ее Лорхен, но мать внезапно становится суровой. Это она прерывает дочь.

Мягко, но настойчиво.

– Я не думаю, что рубать людям головы предлагал ваш Руссо, Вольтер и Гельвеций вкупе с вашим Дидро...

Дети восторженно слушают мать.

– Вот видите, и такая старуха, как я что-то еще читаю.

Дети не сразу ловят иронию в словах госпожи Брейнинг. Постепенно облик госпожи Брейнинг смягчается.

– Как с твоей учебой, Людвиг?

После поездки по Рейну еще ни разу не был в университете. Нет времени.

– Это плохо, очень плохо. Но я понимаю

– Сейчас немного полегче с деньгами, архиепископ разделил сумму содержания на отца-я отдаю ему четверть каждую четверть года, но потом почти все забираю. Я упробил через Вальдштейна, чтобы отца не высылали из города. Теперь он спивается втихую.

– Вегелер написал мне, что хочет преподавать медицину у нас в Бонне. Он следующим летом

прибыть к нам... если все будет спокойно.

– Да, мама, мне он тоже писал, -ответила Лорхен и покраснела. Людвиг вздохнул.

Мать и дочь сделали вид, что не заметили этого вздоха. Мать снова перевела разговор на другое.

– У тебя сейчас должен быть урок у Вестфалей?

– А я уже был, -сразу солгал Людвиг с прямым взглядом.

– Людвиг...

– Завтра. Завтра я дам урок не час, а два.

Людвигу не хочется признаваться, что с недавнего времени жизнь в Бонне ему противна и ненавистна. Все больше обыватели напоминают стоячее мутное болото с лягушками в стиле басен Лессинга.

– Ох, и не люблю, когда на тебя находит твоя обычная дурь, -укоризненно говорит госпожа Брейнинг но тут же снова меняет тему, -Ты Шекспира уже прочел?

– «Бурю» -да.

– Я просто не хочу, чтобы вы считали, что бить окна, жечь дома и горланить на перекрестках и площадях вот это и есть революция.

– А что горлопанить? -интересуется Ленц.

– Не дай Бог тебе слышать, что. И Шекспир здесь не виноват.

– А Гете? -все не унимался Ленц.

– И он со своими «страданиями».

– Это Вертера, -огрызнулся Ленц.

– Брысь! -не выдержала мать.

Вся молодежь убежала из-за стола. Стефан вызвался проводить Людвиг несколько кварталов.

– Лорхен переписывается с Францем? -напрямик спросил Людвиг.

Стефан поморщился. Помолчал. Тихо неуверенно сказал:

– Мать считает его достойной партией. Надежно, серьезно, стабильно. Особенно в наше тревожное время.

Людвиг молчал.

– Мать действительно знает побольше нашего, она получает письма с Офена- там наш родственник в каких-то «верхах». Он и снабжает ее новой информацией.

– Не в этом дело. Бесит, когда знаешь много, а сменить ничего не можешь. Бесит своя же необразованность, неученость. В таких салонах, как ваш-особенно.

– Так вот кто у нас главный революционер, -произнес Стефан и дружески обнял Людвиг за плечи.

– Стоп!

Людвиг остановился на одном из переулков, прямо напротив лавки старьевщика.

– Что? -спросил Стефан и на всякий случай огляделся.

Старьевщик как раз прикрывал витрину, наступал вечер и покупателей в это время мало.

– Я домой, -сказал Людвиг и резко развернулся от Стефана. Быстро зашагал вдоль переулка, низко нагнув голову.

Ударом ноги растворил дверь, испуганный брат Иоганн вскочил из-за стола.

– Где отец?!

– Каспар у друга, а отец...

Брат кивком указал на кухню. Людвиг ворвался в кухню. Между очагом и мешком с картофелем лежал пьяный отец. Что-то бубнил себе под нос. Людвиг двумя руками ухватил отца за плечи и прислонил его к стене. Иоганн открыл глаза.

– А... Лю..д...

– Что ты сделал?!Где вещи мамы?!

Людвиг замахнулся на отца.

– Не тронь его, Людвиг!

Брат тоже тяжело дышал и готов был уже броситься между Людвигом и отцом.

– Оставь его, это напрасно. В таком состоянии он ничего не поймет.

– Он продал все платья мамы! Все!! Я же отдаю тебе часть денег!

Людвиг с силой прижал отца к стене. Отец, вероятно, уже начал понимать, что происходит.

Опустившись на пол он начал плакать. Тихо, смешно размазывая слезы по потным щекам, он тер нос и пускал пузыри изо рта. Кричать, действительно, было напрасно. Минуту Людвиг тяжело дышал, сжимая кулаки.

– Не надо, -уже тихо произнес брат.

Людвиг выбежал из кухни и бросился в свою комнату. Не раздеваясь бросился на свою кровать. Почти всю ночь он проплакал.

Через неделю на имя Людвиг пришел таки долгожданный письменный указ архиепископа, подтверждавший письменно то, что уже несколько месяцев осуществлялось на деле. Прочитав его, Людвиг окончательно стал главой семьи.

«На просьбу органиста Л. Ван Бетховена. Настоящим Его Курфюрстская светлость удовлетворяет просьбу, высказанную просителем, а именно: его отец должен удалиться в

какой-либо провинциальный город Кельнского курфюршества и, тем самым полностью отстранен от дальнейшего несения службы. Вместе с тем, Его Курфюрстская Светлость милостиво распоряжается выплачивать последнему из его теперешнего содержания только

100 рейхсталеров, другие же 100 талеров отныне выплачивать его сыну, просящему об этом, помимо уже причитающего ему жалования, ему же выдавать ежегодные 3 меры зерна, для воспитания его братьев.»

А еще через две недели в комнату Людвига постучали.

– Да, -громко сказал он.

На пороге хмурый как осенняя дождевая туча молча возник Вальдштейн. Странно, он еще ни разу не был у Людвига дома. Может, что с Максимилианом- Францем? Людвиг встал, протянул руку другу.

– Сядь, -кратко сказал Фердинанд. Сам тоже сел рядом. Без предисловий просто и тихо два слова:

– Умер Моцарт.

Людвиг не сразу понял, правильно ли он расслышал.

– Что?

– Умер Моцарт, -слово в слово повторил Вальдштейн. В его глазах слезы.

– Но... как... так рано... сколько же...

– Тридцать шесть.

– Холера?

– Нет... не знаю... точно не холера. Еще три дня назад знал, но только сейчас решил рассказать.

– А похороны, а газеты? Что говорят!?

– Ничего не говорят. Сегодня умер-завтра похоронили. Ван Свитен оплатил. Все так скомкано, быстро, нелепо. Я сам ничего не могу понять.

Оба друга какое-то время сидели молча. Ни у кого не находилось слов. Наконец, первым уже совсем ровно и спокойно говорит Вальдштейн:

– Есть еще Гайдн. К зиме он точно будет.

– К этой?

– Нет, к следующей. Но тебе все равно надо готовиться. Ты уже давно»перерос» наш Бонн.

8

Уже около часа Вальдштейн просматривает готовые вещи Людвига. Концерт для фортепиано с оркестром-милая вещица в духе Гайдна и Моцарта.

– Немного «сыровато»? -спрашивает Людвиг.

– Нет. Мило. Не стыдно показать «папе».

В уголках губ Вальдштейн прячет улыбку, краем глаза следит за реакцией Людвига-как он

отреагирует на «папу». Людвиг не догадался.

– У меня сейчас и на жизнь денег нет, а уж на Вену тем более.

Людвиг вздыхает, но наконец смутно догадывается.

– Что... кому-кому?

– Гайдну, Людвиг, Гайдну. Пока еще рано что-то говорить, но наш архиепископ пригласил его

по пути в Лондон заехать к нему в Бонн. Он хочет познакомить его со своей капеллой.

Понимаешь, на что я намекаю.

Теперь Вальдштейн широко улыбается, нет смысла скрывать.

– Я слышал, что твоего отца архиепископ все же оставил в Бонне. Видишь, он заботится о вашей семье. Я вообще уверен, что в Вене он говорил и о тебе с «папой».

– Даже не знаю, кого благодарить больше-тебя или Их Сиятельство.

– Со мной ты рассчитался моим же балетом. Может на Рождество и поставим, как раз к приезду Гайдна.

Людвиг не в первый раз идет на компромисс. «Рыцарский балет» это идея Вальдштейна, его главная музыкальная тема и его имя на обложке и афише. Музыка Людвиг. Людвиг уже давно уяснил главную истину бедняков с которой не так трудно идти по жизни: нужно приспособливаться и молчать, молчать, когда хочется кричать, улыбаться назло, сцепив зубы.

Иначе не пробиться. Вальдштейн и ему подобные самолюбивы, горды и глупы до невозможности. Может только это и спасает Людвиг. А, впрочем, Вальдштейн не самый худший вариант. С ним можно общаться на равных.

Обещание Вальдштейна забылись почти на пол года. Жизнь закрутила Людвиг еще быстрее.

По вечерам Людвиг приходил с театра и валился без сил на кровать. О братьях почти не вспоминал, Каспар уже несколько месяцев играл на скрипке рядом с Людвигом, всегда на виду, Иоганн еще учится, но у него много друзей и он душа компании. С ним легко и весело, он свой в любой компании. Такой не пропадет. Только к концу года, в середине декабря, стали известны подробности. Гайдн прибудет в Бонн в конце декабря проездом в Лондон, с ним будет уроженец Бонна -Саломон. Пробудут в резиденции Архиепископа несколько дней.

В последних числах декабря 1790 года после спектакля музыкантов попросили не расходиться, а собраться в большом зале с камином, в котором они обычно репетировали в холодные дни.

– Что случилось? -спросил Людвиг у Антонина Рейхи и добавил:-Может наш Архиепископ...

того...

– Для его тридцати. Нет.

Нефэ не стал много объяснять. Раскрыв дверь в большой зал он пропустил музыкантов вперед. Почти вся знать Бонна была здесь. Чета Вестфалей, Бальдербуши и Брейнинги (правда не все, только старшие)

Рис-старший подтолкнул Людвиг вперед, тихо шепнул:

– Сюрприз...

Граф Зальм стоял, склонившись около кресла придвинутого к самому огню, что-то шептал, улыбался. Тоже мне-сюрприз, подумал про себя Людвиг. Он уже несколько раз играл в присутствии графа, говорил с ним, даже играл в четыре руки.

– А вот и наше молодое дарование, «папа».

Небольшая сухая фигура в белоснежном парике встала, опираясь на изящную трость. Улыбка-

первое, что бросилось в глаза Людвигу. Вся большая компания смолкла. Все смотрели на них.

Гайдн! Это был Гайдн. Людвиг несколько раз видел изображения «папы» на клавирных изданиях-ошибки быть не могло.

– Ну, если гора не идет к Магомету... -начал Гайдн и первым сделал два шага вперед.

Людвиг низко поклонился.

– Наш князь часто говорит о вас, юноша. Читал ваши произведения. Говорят, вы были у Моцарта.

– Да, Ваша...

Людвиг замялся. Как обращаться к великому Гайдну он не знал. Гайдн сам пришел на помощь

– Пусть-«папа», я не обижаюсь. Так мне даже проще. Вам надо учиться, ван Бетховен, учиться

много и упорно. Сейчас я еду в Лондон, сколько пробуду не знаю, но вас буду ждать в Вене.

Я не ревнив и не злопамятен. Хотите у Альтбрехтсбергера, а можете у меня. Главное учиться. В Вене

много учителей и решите на месте.

Обращаясь к Зальму, Гайдн низко поклонился.

– Если Ваше Сиятельство еще и соизволит выдать вам стипендию, то лучшего и желать нельзя.

Людвиг молчал. Вместо него сказал Вальдштейн:

– Мы все, все наше общество будем этому содействовать.

– Вот и хорошо. Я сообщу тебе, когда вернусь из Лондона, а ты уж постарайся, мальчик. Все общество засмеялось. Сердце Людвигу бешено билось.

– А кто его представит Альтбрехтсбергеру, -спросил Зальм.

– Ван Свитен, -ответил Людвиг.-Он меня видел у Моцарта.

На какое-то мгновение Людвигу показалось, что тень недовольства легла на лицо Гайдна, но мгновенная улыбка снова появилась на губах маэстро.

– Хорошо, -просто произнес он. Подождав снова добавил:-очень хорошо.

Желая, видимо, переменить тему, обратился к Архиепископу

– Ох, я с одного бока слегка подгорел. Я еще не кабанчик.

Все снова засмеялись. Голос графа Зальма прозвучал торжественно и громко:

– Господ музыкантов и гостей просят за стол!

Уже за столом Людвиг наблюдал за Гайдном. Все, кто был рядом и напротив старались угодить старику. Бедняга едва успевал поворачиваться и кланяться. Оставалось лишь класть ему в рот и жевать за него. Старику неудобно.

– Вот это-слава, -тихо прошептал на ухо Людвигу Рис-младший.

– Мне это точно не грозит, -чуть зло произнес так же тихо Людвиг. Всех музыкантов усадили за самый дальний стол. Оттуда плохо видно и почти ничего не слышно, но смех и громкие шутки иногда достигают и дальнего стола.

– Хорошо, что еще не с кучерами и поварами, -заметил Нефэ.

– Но к музыке нас точно позовут, без нас не обойдутся.

Это как сказать.

Через два дня Лорхен спрашивала у Людвигу о подробностях.

– Что сказал Гайдн? Как он себя чувствует? Что решил с тобой? Когда ты едешь?

На половину этих вопросов Людвиг мог ответить, а вот о сроках...

– Сейчас не знаешь чего ждать через неделю, а тем более месяц, -уклончиво сказал он.

Вошедшая в комнату Элеонора поддержала Людвигу, но с легкой укоризной добавила:

– Да, это верно, но это все твои любимые...

Она замялась, с трудом произнося новое для немцев слово-«санкюлоты».

– ...санкюлоты или, как их...

Людвиг тоже уже слышал это слово. В кабачке у Хойзера, в ресторанчике у вдовы Кох и ее очаровательных дочек только и разговоров, что о последних событиях за Рейном. Кто с радостью, кто с волнением, кто с нескрываемым злорадством, но все с интересом проговаривают слухи и газетные сплетни. Старики, понятное дело, ворчат: дернула же

нечистая ввязаться еще и с турками, а что турки австриякам сделали? пусть русские и разбираются. У знати свои аргументы-высокая политика,«людоеды» -французы, они еще

пожалуют, что так относятся к избранникам божьим. Бедный Людовик, бедная Мария-Антуанетта! Разное говорят.

А уже с весны этого года новости начали прибывать подобно снежному кому.

В апреле Франция объявила войну императору Францу, в сентябре под Вальми какие-то нищие разбили самих пруссаков, а в ноябре выгнали австрийцев из Бельгии. Война вплотную подходила к берегам Рейна.

– Все-таки решил? -спрашивает отец.

– Да. Здесь делать нечего. Французы уже в Майнце, через неделю будут в Бонне.

Иоганн молча кивает. Последние несколько дней он подозрительно трезв и спокоен. Он все понял и смирился. Смирились и братья. Иоганн пристроен учеником аптекаря, Каспар пока в капелле князя, но Людвиг при первой же возможности заберет его в Вену.

– Когда вернешся? -все еще с надеждой спрашивает отец.

– Постараюсь не возвращаться, -прямо ответил Людвиг.

Отец глубоко выдохнул.

– Я всегда чувствовал, что ты станешь большим господином. Может, я чего-то... не так... но ты пойми: я всю жизнь горбился и гнулся для того, что бы вывести вас в люди, а получилось, что ты...

Отец не договорил. Он опять начинает плакать. Как всегда, немного смешно, обиженно. Сидит на скрипучей старой кровати и просто плачет. У Людвига ком в горле.

– Я выйду, надо попрощаться с друзьями.

Отец молчит. Вместо него говорит Каспар:

– Архиепископ тебе что-то обещал?

– Ему сейчас не до меня, но Вальдштейн поклялся, что добьется для меня содержания хоть на

текущий год. Впрочем, маловероятно. Еще неделю я протяну здесь, а к ноябрю точно уеду. Решу вопрос с деньгами и письмами в Вену. Просто так я уже не появлюсь, опыт есть.

– Надо написать доверенность на получение денег, нам с братом на руки не дадут, а отец... сам понимаешь...

Людвиг уже совсем взрослый. Спокойно вынимает из большого кармана длинную трубку, не спеша раскуривает. Пускает дым, наблюдая за прозрачной струйкой. Каспар с восхищением смотрит на старшего брата.

– Да, правильно. Это я точно решу через Зальма. С вами будут Брейнинги, они в случае чего помогут. В оркестре держись Рейхи, он верный друг. Рис будет писать мне от вашего имени и

по необходимости перешлет помощь от архиепископа.

Младший брат Иоганн вышел за ворота провести Людвига.

– Куда сейчас?

– Просто хочу побыть один. Последние теплые деньки на родине.

Людвиг не спеша пошел по вечерним улочкам Бонна, стараясь припоминать все те места, с которыми была связана его жизнь в родном городе. Дом Брейнингов- его вторая семья, здание ратуши, церковь Св. Ремигия- его там крестили, за городом в поле- кладбище. Остатки полевых цветов на могилу маме, рыночная площадь-кабачок вдовы Кох- место веселых праздников и сердечных переживаний. Наконец величественная лента Рейна. Здесь, у самой воды, старое

сломанное дерево и огромный кряжистый пень. Вот около этого обрубка они с» дедой» собирали в маленькую стеклянную шкатулку майских жуков и стрекоз. Как смешно тогда ловил их дед- капельмейстер. Большой трехугольной шляпой осторожно накрывал насекомых и смеялся громче Людвига. Потом поднимал... оп... а жук исчез... Куда? А кораблики из коры этого дерева и большого широкого листка папоротника вместо паруса. Главное-это не заходить глубоко, течение здесь не сильное, но глубина изрядна.«Деда»крепко держит

Людвига за воротничок, а Людвиг рукой норовит оттолкнуть неуклюжую щепку подальше,

на глубину. Табачный дым согревает душу, навевает мысли от которых теплеет.

Сильный осенний ветер гонит коричневую волну вдаль, в сумрак. Людвиг садиться на полусгнивший ствол. Вот так спокойно и мирно сидеть и вспоминать. Кто-то из древних сказал, что нет лучшей доли чем в горестях вспоминать о светлых днях. Кажется так. Вот и мать всегда оставляла на этом огромном пне или книгу или корзинку с едой или шитье. Сама приподнимала подол, входила по колени в теплую летнюю волну. Улыбается. Рукой приглашает Людвиг и Каспара. Людвиг уже совсем взрослый и не боится, а трехлетний Каспар начинает плакать, тянет к матери ручки.

– Какой же он плакса, -зло говорит Людвиг, но мама берет его на руки и входит в воду. Смеется,

она замочила юбку. На этом светлые воспоминания заканчиваются. Наступает юность. Как

хорошо убежать ото всех в этот уголок с книжкой в руке! Жаль, что Людвиг не поэт. Были вечера, когда больше всего ему хотелось провести здесь ночь, не выпуская из рук маленький томик стихов, взятый у Брейнингов. Некоторые строчки он помнит на память и уже никогда не забудет. Десяток строчек, острый ноготок Лорхен под ними и эта закладка на страничке.

«Сердце, сердце, что случилось,
Что смутило жизнь твою?
Жизнью новой ты забилося,
Я тебя не узнаю».

Потом он отдал томик Лорхен и больше не просил стихов. И так все ясно. Внезапно тихий голос сзади:

– А где же еще тебя искать.

Людвиг встал. Позади стоял Вальдштейн.

– Я был у тебя. Каспар сказал, что ты ушел к Рейну.

– Садись.

Вальдштейн сел. Из кармана достал листок.

– Здесь несколько адресов. Первым делом обратись к барону Цмескалю. Он странный, но отличный друг и очень прост. Вы с ним немного похожи. С него такой барон, как с меня святая Катарина. Еще несколько адресов, а ван Свитена и его дом ты знаешь. С архиепископом я поговорю, но сейчас ему не до тебя. Весь двор уже «на чемоданах». С завтрашнего дня двор переезжает, а к концу недели никого уже не будет.

– Ты тоже?

– И я. Я всего лишь чиновник, а с князьями и графами у французов разговор краток.

Первого ноября Людвиг с утра шел по пустынным улицам холодного Бонна. Богатые кареты, знакомые лица, простые пролетки и длинные почтовые экипажи тянулись вдоль узких улиц. Дул уже настоящий зимний ветер, дым горящих бумаг, (жгли то, что не могли вывезти)

стайки сухих жестких листьев в углах домов, плач, крики кучеров-все мешалось в какую-то мелодию. Но это мелодия скорби и тоски и совсем не радует Людвиг. Не о таких звуках он мечтал. Все не так. В саквоже все необходимое на первое время, альбом с пожеланиями счастья и успеха. Строки, записанные Лорхен особо дороги. Как и стихи Гете он уже заучил их наизусть: «Пусть дружба и добро растут, как сень, покуда не погаснет солнце жизни».

– Шиллер? -спросил Людвиг.

– Гердер.

Напоследок Элеонора тоже сказала несколько слов.

– Это Вена, Людвиг. Ты уже был там. Терпение и смирение. Знаю, что слово это тебе не нравится, но уже через год венской жизни ты меня поймешь. Там не всегда говорят то, что думают-ты и это поймешь. Я поговорю с архиепископом, он неплохой малый, между нами говоря. Год оплаты я тебе гарантирую... если конечно... Живем, как на вулкане.

Людвиг соглашается. Выбив трубку, прячет ее в карман камзола.

– Мой тебе совет, Людвиг-постарайся не возвращаться.

Более неподходящего дня для поездки и не придумать. Сырая погода, туман и в полдень уже сумрак. Вдоль узких улочек ветер гонит мусор, обрывки газет и афиш. Кареты с пышными гербами, простые пролетки и открытые экипажи, обычные сельские телеги вереницей тянутся вдоль узких улочек. Окна и двери наглухо закрыты и редкий прохожий торопится укрыться за дверями. То ли гром, то ли разрывы ядер... Черт его разберет в это время.

Провожать вышел лишь брат Каспар. Больше молчал. Шли молча. Каспар нес небольшой саквояж, у Людвиг в руке дорожный чемоданчик с рукописями и мелочами.

– Когда напишешь?

Людвиг размышлял о своем. Ответил просто:

– Сам не знаю. Осмотрюсь, а там...

На постоялом дворе еще присели на дорогу.

– Остаются Зимроки, Ромберги, Рисы. Если уж так худо будет обратиться к Рисам. Постарайся выучить хоть Иоганна. Я и Брейнингам напишу, а уж из них кто-нибудь свяжется с тобой.

– Боюсь, что вся наша капелла скоро рванет с князьями за Рейн.

– Все может быть. Я и сам не знаю, доеду ли сегодня хоть куда-нибудь.

Рожок кучера как приглашение пройти к почтовому экипажу. Братья обнялись. Короткий посвист кучера, щелчок кнута: большая почтовая карета медленно сворачивает из двора на проселочную дорогу. Маленькие домики, сельские лачуги и дымок с запахом картофеля и овощей, колодец и крест у самой дороги. Шпиль церкви, запоздалый звон в утреннем тумане глух и нуден. Еще немного и лента Рейна исчезает за склоном. Незнакомый сосед по карете дремлет. Вероятно еще один из тех молодых эмигрантов, решивших в это смутное время унести ноги и душу подальше.

Не интересно...

.

9

Людвиг уже знал по опыту, что жизнь в Вене не дешева, но на этот раз все было по другому,

все изменилось и не в лучшую сторону. Трудно сказать определенно: может военные дразги с Францией, может новый император Франц и неразбериха в организации и суматоха чиновников, но сами венцы на взгляд Людвиг как бы «посерели». Пратер и бульвары, фонтаны, дворцы с их великолепием, театры и бульвары - все то же, что и пять лет назад, но в воздухе разлито беспокойство и нервозность, подозрительный шепоток в кафе,

взгляды венцев пугливы и осторожны. За смехом печаль. В самые первые дни поселиться пришлось в жуткой дыре на окраине. Такие каморки обычно снимают на ночь искатели дешевой любви, жулики разных мастей, а то и похуже. Хозяйка сгребла жменью мелочи в ладонь, отдала ключ и молча удалилась. Чем дешевле номер тем молчаливей хозяин. С свечой в руках Людвиг обвел взглядом комнату. Стол, два стула, кровать с сомнительным запахом и такой же сомнительной соломой внутри, ручной прибор. Окно не открывается, в это время года хозяева забивают его намертво, но в этом нет двойных рам. Стекла мутны и засижены мухами. За окном двор и одинокое дерево.

– Да, -сам себе сказал Людвиг и постарался разжечь камин. Напрасно. Что-то долго гудело,

потом упало, потом кратко свистнуло и повалил дым. Людвиг открыл дверь в коридор. С первого этажа донеслась брань и крики, звон разбитой посуды. Людвиг проветрил комнату, вышел во двор, постояв несколько минут. Холодный осенний ветер продувал почти летнее платье. Людвиг захотелось закурить. Пойти в лавку за табаком? И поздно и дорого. Все,

спать! Завтра он начнет искать настоящее приличное жилье с фортепиано и делать визиты.

Уже с утра он первым делом нашел адрес барона Цмескаля- Домановица. Против ожидания, ни лакея у двери ни слуги не наблюдалось. На стук дверь открыл сам барон.

Небольшого роста, почти вровень с Людвигом, пухлые румяные щеки и узкие веселые глазки, широкий открытый лоб, а над ним короткие пепельно темные выющиеся волосы. Ма — ленькая пухлая ручка с большим и, вероятно, дешевым перстнем, вцепилась в ладонь Людвига, сразу, без предисловий, поприветствовал:

– Бетховен?! Людвиг! Да?

Людвиг кивнул.

– Вальдштейн несколько раз описал тебя. Заходи. Давай запросто, без «фон».

Уже через пол часа Людвиг узнал все сплетни аристократической Вены, пикантные подробности разводов, любовники-любовницы и конечно адреса и дни приемов меценатов.

– Завтракал? Я-нет. Пошли. В Пратере кафе дороги, в центре тоже, но есть парочка кабачков в которых дают в кредит. Новичкам не дают, но ты со мной. А со мной не пропадешь.

Теперь только Людвиг понял, почему Вальдштейн называет Цмескаля не «барон», а «барончик». Именно «барончик», как нельзя лучше подходит к этому веселому, вертлявому, пухленькому человечку. Он из тех, кто знает всю Вену и вся Вена знает его. Глянув на адресную книжицу с первой же фамилией, Цмескаль присвистнул.

– Начинаешь с самого главного? Хорошо. Правильно.

Вместе с новым другом и с его помощью он быстро нашел Альзерштрассе 45.

– Зайдешь?

– Сегодня надо найти приличное жилье хоть на месяц. И фортепиано... желательно получше и подешевле.

– Да не вопрос.

Уже через два часа Цмескаль отвел его к дому печатника Штрауса, быстро договорился о цене, а к вечеру во дворе грохотала телега груженная фортепиано. Комната просторная, приличная семья обед и ужин в счет аренды. Слуга прилагается. Этот Цмескаль просто находка.

На следующий день к десяти утра Людвиг уже стоял около двери князя Лихновского. Швейцар долго сверху вниз взирал на юношу: что ни говори, а бывают шляются тут всякие... После того, как Людвиг подробно объяснил цель прихода и показал рекомендательное письмо, швейцар сжалился. Сначала зашел он. Жестом приказал ждать. Людвиг задрал голову. Таких апартаментов он не видел и в дворце архиепископа, прекрасная лепнина на потолке, роспись с богинями, амурчиками и пастушками-все поражало размером и блеском. Мраморная лестница, ведущая на второй этаж бела и массивна, огромные канделябры по обеим сторонам и в центре холла, на потолке хрусталь и позолота. Минут десять длилось ожидание. Потом откуда-то сверху раздался громовой голос:

– Кто в такую рань?! (было больше десяти)

Послышались шлепающие шаги. С такой отличной акустикой все прекрасно слышно. В эту

самую секунду сверху, подобно греческому богу, спускался князь Лихновский. Сзади пришлепывал не в ногу, торопился слуга. Огромная горообразная фигура князя на ходу чихала, сморкалась, что-то бубнила под нос сама себе. Он был в красивом домашнем халате, тапочках на босу ногу и колпаке-вероятно его оторвали ото сна и он был зол. Людвиг низко поклонился, застыл в поклоне.

– Кого еще в такую рань? -уже тихо сказал князь.

– Людвиг ван Бетховен из Бонна от Вальдштейна, -сразу произнес Людвиг, стараясь не делать паузы между словами.

- Ааа... Мальчишка еще в Бонне или сбежал?
- Когда я уезжал, он собирался за границу.
- За границу это громко сказано. Да и какая сейчас «заграница».

Исподтишка Людвиг наблюдал за князем. Пока оба шли по длинному коридору мимо статуй

богов, атлетов и богинь с белоснежным бюстом, по роскошным коврам, вдоль гобеленов, каких Людвиг никогда еще не видел, он старался сложить хоть какое-то мнение о новом знакомом. Фигура, голос движения-все говорило о том, что новый знакомый знает себе цену, любит все броское, яркое, громкое и дорогое. Такая внешность не создана для скромной жизни. Он все должен делать основательно, крепко, надежно. Положение обязывает.

- А что ваш Архиепископ? Тоже в бегах.
- Да, еще раньше меня уехал.
- Убежал, значит.

Пока шли по длинным коридорам вдоль дверей, около которых на маленьких табуреточках сидели слуги, Людвиг твердо решил заручиться поддержкой этого князя. Ему импонировала решительность и прямота разговора. С этим человеком будет толк. Проходя мимо одной из дверей он, не задерживаясь, стукнул в нее, позвал громко, призывно:

– Кристина!

Свернув за угол, раскрыл перед Людвигом дверь, пропуская гостя вперед. Это была библиотека. Жестом указал на широкий и длинный пуф. Людвиг сел. Еще какое-то время князь дочитывал письмо. Закончив, сложил листок и сделал из него закладку в книге.

- Что там наш Гайдн. В Лондоне?
- Думаю, да. К тому же, если бы он был здесь, все бы уже знали.
- Нет думаю. Он мог сразу поехать к себе в Эйзенштадт, к Эстергази. Ну, да бог с ним.

Мы принимаем по пятницам, концерты, вечера, все прочее. Я не большой охотник до этих собраний, это больше по части Кристины.

Словно чувствуя, что говорят о ней, в комнату вошла молодая женщина. Высокая и стройная, с копной черных вьющихся волос с гребнем в руке, и домашнем халате. Ее, видимо, тоже

разбудил трубный голос мужа.

- Можно потише, Карл. Лошади на улице шарахаются.
- Ты видела этих лошадей? Это Людвиг ван Бетховен из Бонна. О нем говорил Гайдн.
- Кому? Ой, извините, я еще не проснулась.

Князь подал сложенный лист письма. Одной рукой расчесывая волосы, другой держала письмо.

- Ладно, поболтаете у себя, а я уж если встал-займусь корреспонденцией.
- Да, верно, идемте на мою половину. Чай будете?

Людвиг не стал отказываться. Кристина прошла с Людвигом в свою комнату. На минуту вышла. Возвратилась в другом платье. Вслед за ней служанка внесла поднос с чаем.

Поклонилась.

– Вы любите чай, Людвиг?

Людвиг очень редко пробовал такой напиток. Два-три раза у Брейнингов, один раз на дне рождения Вальдштейна и, кажется, все.

Кристина улыбнулась.

- В ваших краях предпочитают вино, правда?
- Да, есть не плохие сорта, но по будням больше кофе. Оно дешевле.
- Да, верно. Вы извините моего Карла, он не со зла. Узнав его поближе вы подружитесь,

а его

голос... привыкните.

– Я разбудил вас, простите, княгиня.

– Не в этом дело. Здесь Вена, Людвиг, и определенный распорядок дня не обязателен. Вы к этому тоже привыкнете. У нас есть определенные дни приемов, определенные дни концертов, впрочем, как и у многих из нашего круга. Не стоит слишком придавать этому значения.

Наблюдая за реакцией Людвиг, Кристина догадалась, что Людвигу возможно не очень приятно слышать слова «наш круг», дни приема» и им подобные. Желая сменить тему, она спросила:

– А правда, что вы хотели обучаться у Моцарта?

– Да, княгиня, но... увы...

– Мы все скорбим. Нелепая смерть.

– Странная.

– Как так могло случиться? Ему же не было и тридцати пяти, кажется?

Кристина согласно кивнула. Минуту молчала.

– Здесь, в Вене, не все так просто. Много любопытных и много подозрительных. Сплетни здесь

обычное дело, но лучше не задавать вопросов, на которые нет вопросов, вы это тоже поймете.

Сделав вдох облегчения, продолжила уже весело:

– Но наш «папа» не хуже! Он придет из Лондона и обязательно примется за вас. Есть еще и Сальери, и Альтбрехтсбергер. Много учителей не бывает?

– Да, мне надо много учиться. Я это и сам чувствую.

– А кто вас представил Моцарту?

– Ван Свитен.

Кристина согласно кивнула.

– Нам тоже приходилось играть у архиепископа с семи вечера и до утра. Утром выходишь на воздух-голова гудит, ноги дрожат, все, как во сне, а днем снова репетиция. Я привык.

– Хочу вас предостеречь: недели не проходит, как в Вену прибывает новая»знаменитость». Она

неплохо бренчит на фортепиано или пикирует на скрипке или выводит рулады, от кото-

рых у многих вянут уши, но должность обязывает. Вам, ван Бетховен, придется столкнуться с некоторыми из них. Терпения вам.

Можно спросить?

– Конечно.

– Как являться к вам?

– Ничего сложного. По пятницам, как сказал муж, у нас музыкальные вечера. Одевайтесь скромно, прилично и опрятно. Излишний блеск не приветствуется-вы и это поймете. У на

на ближайший вечер Карл пригласил кого-то, прихватите несколько своих вещей не слишком длинных и не слишком мудреных. Мы, венцы, не любим долго грустить.

Кристина встала. Очаровательной, чуть виноватой улыбкой намекнула, что визит закончен.

Людвиг поклонился.

– Нужно проститься с князем?

– Нет, я передам ваше уважение.

Дома Людвиг отобрал несколько простых вещей для фортепиано. В случае вариаций или соревнований у него имелись несколько неплохих идей. В пятницу к девяти вечера он снова был у дома князя. По количеству карет, экипажей, по беготне слуг он догадался, что вечер

будет пышным и только избранные приглашены и он, Людвиг, в их числе. Было холодно,

середина ноября и посетители спешили укрыться за огромными распахнутыми дверьми. Уже знакомый Людвигу швейцар отвешивал поклоны, рукой провожая посетителей. Он точно замерзал на продуваемой холодным ветром улице. Замерзал, но держался. Людвиг отвесил ему скромный поклон и вошел. Уже знакомый вестибюль был жарко натоплен, Обилие свечей и ламп грело воздух и освещало обилие мехов и драгоценностей на оголенных плечах дам, веера сдували пудру с париков мужчин, их спутницы гордо выставляли напоказ голые плечи и глубокие декольте, обрамленные ожерельями с кулонами и грузные серьги с бриллиантами.

Все напоказ. Сейчас Людвиг уже мог сравнивать и анализировать. Боннское высшее общество, к которому, казалось, Людвиг привык с юности теперь казалось ему плохим дешевым спектаклем. Людвиг продолжал подниматься по широкой лестнице вместе со всеми в зал. В зале он еще не был, но понимал, что все направляются именно туда. Он не ошибся.

Огромный зал был натоплен и уже полон. На эстраде уже стояло фортепиано и около него несколько музыкантов настраивали инструменты. Четверо. Вероятно, квартет, а может квинтет, если с фортепиано. Взглядом Людвиг сразу отыскал горообразную фигуру князя, рядом знакомый толстяк-барон ван Свитен. Оба громко смеялись. У окна, ближе к большому камину он увидел Кристину Лихновскую с несколькими дамами. Людвиг решил подойти к ван Свитену. Барон смерил взглядом Людвигу.

– Приехал все-таки, -басом произнес он и похлопал его по плечу.-Это хорошо.

– Сегодня он попотеет, -пообещал Лихновский.

Гул в зале нарастал, многочисленные гости рассаживались по местам и Кристина призывно помахала рукой Людвигу в свою сторону.

– Иди, мама зовет, -с улыбкой произнес Карл Лихновский.

Пока Людвиг пробирался сквозь толпу сзади кто-то резко сжал его локоть. Людвиг обернулся, это был Цмескаль.

– И ты тут? -спросил Людвиг.

Как-то незаметно они оба легко перешли на «ты». С простоватым и добродушным барончиком и не могло быть иначе.

– Сегодня первый бой, -сказал он и кивнул в сторону большого окна. Там, опершись о подоконник, в окружении десятка дам стоял молодой высокий брюнет в темном костюме священника, шея его, обмотанная пышным белоснежным галстуком с трудом поворачивалась в стороны и потому он вынужден был держать подбородок высоко поднятым, Тонкие черты лица, ясный взгляд и уверенные движения рук, которыми он энергично жестикулировал,

выдавали в нем не новичка в салонных состязаниях, по свободному смеху и болтовне было ясно, что молодой человек дерзок и уверен в себе. Компания издали заметила Людвигу и одна из девушек, прикрыв рот веером, что-то шепнула молодому человеку. В мгновение вся компания разразилась смехом.

– Они смеются надо мной? -спросил Людвиг и сжал кулаки. Краска прихлынула к его щекам.

– Нет, для этого у таких кукол слишком мало мозгов, а вот у этого мальчишки... Это Гелинек-

здешняя музыкальная знаменитость. Тебе с ним придется сразиться. Играет действительно божественно. Многим нравится, особенно дамам. Стиль игры- дамский, легкий. изящный,

но не лишен достоинств. Впрочем, он играет первым, сам увидишь.

Раздался колокольчик, все рассаживались по местам. Сановный лакей, опираясь на трость вошел на эстраду.

– Мы начинаем, господа.

Низкий поклон и медленный уход. Вслед за ним поднялся Карл Лихновский, откашлявшись, начал: - В этот дождливый холодный вечер так приятно насладиться звуками божественных мелодий. Ибо музыка...

- Да начинай ты, Бога ради, - с места пробасил ван Свитен.

В зале сдержанный смех. Сам Лихновский улыбнулся, продолжил:

- Сегодня у нас два гостя. Одного вы прекрасно знаете - наш прекрасный Орфей, наш Гелинек.

Гелинек встал, одарил зал сдержанной улыбкой. Аплодисменты.

- И гость из Бонна, ученик Гайдна - Людвиг ван Бетховен.

Аплодисменты глуше, говорок громче с задних рядов. Цмескаль шепнул на ухо Людвигу:

- Внимательно следи за техникой, много интересного.

Галинек легко взбежал на сцену и с легким поклоном сел за фортепиано. Все ожидали, что он начнет с Баха, но аббат начал с вариаций на тему Моцарта: что-то из «Свадьбы». «вперед-мешку с «Дон-Жуаном», затем следовала соната собственного сочинения и наконец несколько вариаций на баховскую тему. Краем глаза Людвиг еще успевал наблюдать за реакцией зала. Зал безмолствовал. Дамы забыли обмахивать плечи, их кавалеры сдержанно потирали трости,

слегка склонив головы вперед, как будто пытаясь лучше расслышать звуки. Надо отдать должное музыканту. Гелинек играл божественно, техника безупречна, стиль «дамский», легкий: словно каждая жемчужина падая на мраморный пол издает отдельный звук. Да, такое достойно похвалы. Кристина была права - если и все венские музыканты таковы, то Людвигу придется попотеть. Закончил Гелинек изящной фугой в стиле старика Баха. Зал бурно аплодировал. Сам ван Свитен хлопал стоя.

- С Богом, - шепнул Цмескаль.

Людвиг поднялся на сцену. Что ж, Моцарт так Моцарт. Свои вариации на тему «Волшебной флейты» Людвиг начал еще в Бонне и хотел видеть их сначала напечатанными, но вызов превыше всего. Затем соната любимого своего Филиппа Баха, а закончил мгновенными вариациями на сонату самого Гелинека. Зал взорвался аплодисментами. Сам Гелинек взошел к Людвигу. Оба обнялись. Зал взорвался новыми аплодисментами. Громче всех старался Цмескаль. Людвиг и Гелинек вместе сошли со сцены. Их обступили. Ван Свитен огромными руками обхватив их обоих, крепко прижал к себе.

- Потешили старика, черти!

- Мы такие, - ответил за обоих Гелинек.

Тихо сказал Людвигу:

- Домой пройдемся вместе.

Людвиг согласно кивнул. По пути в столовую Кристина подхватила под руку обоих музыкантов и буквально тащила их сквозь толпу.

- Нас еще и покормят? - шутил аббат.

- Программа привычная еще по Бонну. Мы тоже сначала играли, а затем - корм. Слуг надо кормить.

- Злюка, - шепнула Кристина и щелкнула Людвигу веером по лбу.

Уже около стола к ним подошел ван Свитен.

- С тобой хочет познакомиться одна семья.

Людвиг обернулся. Супружеская пара уже не молодых дворян стояла перед ним. Мужчина низко поклонился, его жена кивнула.

- Советник Иван Юрьевич Броун с супругой, - представил ван Свитен.

Людвигу необычны русские имена, но он в ответ низко поклонился. С легким необычным акцентом новый знакомый произнес:

- Мы принимаем по субботам, будем рады видеть вас. У нас дочери.

Людвиг еще раз поклонился. Во время ужина он и Гелинек сидели рядом. Ужин действительно был великолепен. Мелкие беседы, смех, анекдоты и сплетни были уже запущены и теперь все крутилось по обычному кругу.

– Что у вас с Гайдном? – поинтересовался Гелинек.

– Да как сказать... потихоньку.

– Он великий мастер

– Я это понял с детства.

– Не давайте себя увлечь такими концертами. Это поденщина будет выматывать из вас все жилы, времени на творчество не останется.

– Это мне знакомо. Ничего, кажется не меняется. Что в Бонне, что здесь. Принцип один. Несколько следующих месяцев подтвердили правоту Гелинека. Полезные знакомства, нужные связи, вечера при свечах, концерты, а после них обеды, ужины, а после них сплетни

анекдоты игры и развлечения. С трудом удастся Людвигу выкраивать часы на занятия.

Гайдн

прекрасно понимает все трудности, он и сам сорок лет назад был в таком положении, но делать нечего-у этого молодого немца определенно есть воля и воля железная. Перебирая выполненные задания. Гайдн старается щадить самолюбие и гордость ученика, иногда он просто пропускает мелкие «грешки» и дает новые задания. Иногда они отправляются вместе в какое-нибудь дешевое кафе. Гайдн с болью смотрит, как Людвиг взвешивает на ладони мелочь, расплачивается с кельнером. После очередного урока с учеником Гайдн достал из ящика стола объемистую тетрадь уже изрядно потрепанную с рассыпающимися листками.

– Это мои выписки из Фукса. Вся книга вам ни к чему. А тут у меня самое главное.

Людвиг пролистал страницы. Сразу понял, что он не первый и не последний, кто держит в руках выписки из учебника. Еще от Неефе в Бонне он слышал о «Ступени к Парнасу» Йозефа Фукса-ценном и редком музыкальном учебнике, достать который почти невозможно. Строчки замараны, перечеркнуты, некоторые расцарапаны и в чернильных кляксах.

– Я снова собираюсь в Лондон. Не знаю пока на сколько. Ближайшие месяцы я еще тут и вы

займитесь этими страницами.

– Вы увидите Саломона? Передайте поклон от соседа.

– Безусловно. Я слышал, вы с ним соседи по дому... были...

– Мы родились в одном доме.

– Это знак судьбы. Вы верите в судьбу, Людвиг?

Об этом Людвиг еще не задумывался.

– А Вы?

– Я верю в Господа нашего и в его благое провидение.

Видя, что Людвиг никак не реагирует на его слова, переменял тему.

– Что с вашей субсидией от архиепископа? Может помочь?

– Да, он присылает немного по четвертям месяца, но...

Людвиг замолчал.. А Гайдн соображает. Действительно надо помочь юноше. Еще недели две и деньги его закончатся. Те работы, что Людвиг отсылает в Бонн к Зимроку ничто в денежном эквиваленте.

– У меня летом намечается поездка в Айзенштадт, поедем?

Людвиг сразу понимает-это жест спасения от полной нищеты, но надо согласиться.

– Места там не очень здоровые, но у вас организм молодой и сильный, малярия вам не грозит.

Конечно надо соглашаться. А пока новые работы из под его пера появляются одна за другой. К годовщине своего первого года в Вене он послал Элеоноре свои 12 вариаций на моцартовскую тему из оперы «Свадьба Фигаро» -«Если захочет барин попрыгать».

Посвящено, естественно, ей. Это первое произведение изданное здесь, в Вене.

Ей же теплое письмо. В работе октет для двух гобоев, двух кларнетов, двух валторн и двух фаготов. Можно послать в Бонн курфюрстру некоторые из произведений -пусть убедится, что

Людвиг не зря проедает княжеские деньги, а лучше если и ПАПА от себя черкнет строчку.

Совсем ясные очертания на бумаге принимают три трио. Ответственная работа. Пока о трио он не говорит с Гайдном, всему свое время. Но письмо от Макса -Франца подобно ледяной ванне. Если уж и на просьбу Папы пришло такое ледяное письмо, то что уж говорить о Людвиге.

– Это приказ домой?

– Времена сейчас, -успокаивает Гайдн, но резко меняет тему.-Оставьте свои работы, я просмотрю на досуге. А об князе архиепископе не думайте-я напишу ему.

Скоро он опять собирается в Англию и за это время многое надо успеть. К февраль все же пришли несколько сотен из Бонна. Верный друг Рис получил жалованье за прошедший год и выслал в Вену. С кратким письмом сообщил -умер отец Людвиг. Вот и последняя нить оборвана. Сейчас Людвиг никак не может ни на день приехать домой. Вся надежда на друзей.

Почти ничего не отозвалось в сердце Людвиг на эту новость. Капля горечи-не более.

В Бонне есть Зимрок, есть Ромберги, в конце-концов, семья Брейнингов. Вегелер должен приехать в ближайшие несколько месяцев. Надо будет написать и ему несколько слов.

А пока надо завоевывать Вену!

После вечернего концерта в доме Броунов Людвиг и Цмескаль возвращались по утренним улицам Вены, в этот час улицы пустынные, последнее время венцы все чаще запираются в своих домах и выходят на свет божий только по необходимости. Император Франц не то, что маленькие либеральные князьки разных карликовых герцогств. Кто-то ругает его (очень шепотом) есть и те, кто оправдывает (методы конечно не очень, но вы понимаете... и в том же духе...) Есть реалисты, которые смотрят на события трезво и прямо. Таких единицы. Они запуганы, они боятся.

– Хороша дочь у этого русского, -зачем-то произносит Цмескаль и зевает.

– Что, зацепила?

– Я всего лишь мелкий чиновник казначейства, у таких как я, нет шансов.

– Ты думаешь, у меня есть. Все эти менуэты, вариации в четыре руки, полонезы принимаются

с восхищением, а когда речь заходит о чем-то серьезном, понимаешь, что они глупы, как гусыни. Кроме мордашки и бриллиантов в ушах ничего. Строят из себя.

На университетской площади Цмескаль остановился. Подошел к огромным высоким воротам на которых большое объявление. Подошел и Людвиг.

– Что там? -спросил он.

Несколько минут оба друга читали молча.

– Ну и дела, -почему-то шепотом произнес Людвиг.

– Не то слово. Вот и до нас докатилась... эта... как ее назвать...

– Революция? - снова прошептал Людвиг и огляделся по сторонам.

– Тут какой-то бред о тайных обществах, студентах, общественном договоре. Это не серьезно.

Они или безумцы или святые... или сумасшедшие.

– То же, что и во Франции?

- Ничего хорошего. Рубить головы, как рубят капусту на рынке это не выход.
- Может, это наш Франц напугался, вот и чуются санкюлоты на каждом углу.

В этот ранний час лишь заспанный дворник мел площадь в самом дальнем углу.

- Не знаю, кто писал, но он самоубийца, - снова тихо произнес Цмескаль и отвернулся.

Друзья поспешили прочь. Около дома Лихновского друзья расстались. Людвиг тихонько поднялся в свою комнату. Вот уже пол года как он живет во дворце Лихновского. Настояла Кристина. Он зашел в комнату и разделся. Одно желание-уснуть. В дверь осторожно постучали.

- Да.

Согнувшись в поклоне, слуга подал записку. Это от Гелинека. Что ни говори, но он славный малый. Немного избалован славой, чуть тщеславен, что с того, все мы артисты немного самолюбивы. Гелинек в двух строчках приглашал к своему другу композитору Шенку. Тоже неплохой мастер. Его оперы с успехом идут в Вене. Но сейчас спать. Спать.

10

Жизнь идет своим чередом, за полтора года в Вене Людвиг уже спокойно обжился в столице. Последнее письмо от курфюрстра было прощальной «ласточкой». Больше денег от него не стоит и ожидать. Сейчас рядом с Вегелером сидит Каспар. Он успел уехать из Бонна

одним из последних. Курфюршество Кельнское приказало долго жить.

- Что Брейнинги? -спрашивает Людвиг.

- Ленц собирается к тебе. Он, кажется, идет по моим стопам, хочет изучать медицину.

Будет,

думаю, через неделю-другую. Что ты?

– Я неплохо обжился здесь. Артария покупает мои вещицы, у него нюх на все новое плюс концерты. Они не шибко стоят, но что делать-это Вена.

- Ты теперь настоящий венец, -говорит брат Каспар.

- Не совсем еще привык.

- Что так? -спросил Вегелер.

Людвиг поморщился. Так сразу и не расскажешь.

– Гайдн что-то темнит. Не пойму его. Спасибо Шенку, он помогает. Но это большой секрет.

- С чем помогает? -спросил Каспар брата.

– Я сам узнал случайно. Сначала Гелинек познакомил меня с Шенком, а потом он как-то просмотрел несколько моих работ и увидел, что наш славный любимый Папа попросту пропустил мои ошибки.

- Может, не заметил, -предположил Вегелер.

- Гайдн?!

– Не горячись, Людвиг. Все объясняется проще. Я думаю, что папаша просто занят своими опусами, а проверять всякую мелочевку это выше его достоинства.

– Что-то не то, Франц, -сказал Людвиг.-Пол года мы с ним были в Айзенштадте. Все было хорошо, концерты, репетиции, погода-все хорошо. Он не словом, ни пол словом не намекнул на ошибки.

– Это Гайдн, Людвиг. Сорок лет «дрессировки» при Эстергази даром не проходят. А ссорится с

Гайдном это ссорится с Эстергази, а ссорится...

– Все, все, понимаю. Поначалу я и сам обижался, а сейчас мы с Шенком неплохо ладим. Я приношу задание Гайдну уже переписанные и исправленные Шенком. Все идет хорошо. Раз он так, то и я так!

- Обратись к Альбрехтсбергеру, Он, я слышал, большой теоретик.

После этих слов Людвиг подошел к шкафу, достал огромную кипу нот. Бросил ее на стол перед Вегелером.

– Это все он?

– Да. И это лишь за последние три месяца.

Людвиг протянул брату учебник Альтбрехтсбергера «Основательные наставления в композиции».

– Это немного полегче чем гайдновские заметки, но тоже головоломки еще те... Он большой

теоретик.

– ПАПА знает? -спросил Каспар.

– Конечно. Он сам меня и направил к нему на время своей поездки в Англию.

– Ну и хорошо, -согласился Вегелер и улыбнулся. Засмеялся и брат Каспар.

– А что с Иоганном? -спросил Людвиг. -он писал мне, что просит аттестат от французов и будет искать место аптекаря здесь, в Вене.

– Я не успел нормально поговорить с ним. Два-три слова. Сейчас в Бонне французы.

Разговор друзей прервал зычный голос Карла Лихновского:

– Обед!!

Людвиг вздохнул:

– Ежедневно в четыре часа я должен сидеть за его столом. Чисто выбрит, одет опрятно и чисто.

Я это не вынесу.

– Чем ты недоволен, братец, тебя хоть кормят бесплатно, -пошутил Каспар.

– Ладно, пошли.

Через две недели Людвиг пришел к Гайдну на дом. Старик был в своей домашней обстановке

без парика, в простом комнатном халате и тапочках. Вид у мэтра был чуть смешной-было непривычно видеть кумира всей Европы в домашних тапках на босу ногу. Гайдн заметил улыбку Людвига.

– Я дал несколько дней выходных добряку Эльснеру. Но это и к лучшему. Ваши трио?

– Да, я обещал показать, когда закончу.

– Садитесь, успеется. Вам заварить кофе? Вы меня угощали и теперь я немного виноват.

– Да ерунда.

– Я скоро опять уезжаю в Лондон. Было бы неплохо, если мы сыграем их у Лихновского.

– Я не против.

Гайдн одел очки и подошел к окну. Людвиг молча сидел.

– Я вот думаю, кому вас поручить? Что скажете про Альтбрехтсбергера?

Людвигу показалось, что последнюю фразу старик заготовил заранее. Людвиг заставил себя согласиться. Не отрываясь от рукописи старик помешивал ложечкой кофе. Он обожает кофе.

Людвигу внезапно захотелось сказать учителю что-то острое, грубить не нужно, но он придумал.

– Я слышал, что маэстро Сальери готов давать бесплатные уроки малоимущим музыкантам.

– Насколько я знаю, вы, Людвиг, далеко не малоимущий и, тем более, не нищий.

– Мне бы не помешали занятия по оперному письму, а маэстро Сальери признанный мастер

в области вокальной музыки.

Гайдн оставил последние слова без внимания. Вместо этого он сказал:

– Отличная работа, Людвиг, но...

Людвиг напрягся.

– Говорите откровенно, папа.

Два первых просто великолепны, а вот третье...

– До-минор, мое любимое!

– Не разделяю вашего оптимизма.

Людвиг старается понять мысль Гайдна. Ничего на ум не приходит. Обидно, но это третье трио действительно его любимое.

– Давайте сыграем его. Согласны?

Еще бы! Конечно Людвиг согласен.

Уже через неделю все тот же Лихновский за обедом в присутствии жены сказал:

– Я пригласил на завтра трех молодых людей и хочу, чтобы ты, Людвиг, прослушал их.

Обещаю-

ты не пожалеешь.

Людвиг с готовностью кивнул.

– Эту неделю мы проведем репетиции, но с этими музыкантами проблем не будет, а вот на следующий четверг я приглашу некоторых знатоков. Вот тогда и посмотрим.

Через два дня, утром, за несколько минут до репетиции Людвиг жаловался Цмескалю:

– Не понимаю я старика. Ты же сам читал эти трио, сам понимаешь-неплохо.

– Я-то понимаю, но старик воспитан в еще тех традициях. Ему трудно смириться со всем новым. Давай дождемся концерта.

Громовой голос Лихновского прозвучал набатом на весь полупустой зал:

– А вот и мои мальчишки.

В зал как раз входила троица молодых юношей. Людвиг с первого взгляда понял, что мальчишкам, вероятно, и восемнадцати нет. Совсем юнцы. И вот с этими мальчишками ему надо будет потрясти знатоков и любителей. Первые его серьезные трио, тут не должно быть ошибок.

Первый из молодых людей смело подошел к Людвигу и протянул руку, представился сам и после представил еще двоих:

– Игнац Шуппанциг, скрипач,

– Виоланчелист Крафт.

– Альтист Линке.

Все трое пожали руку Людвигу.

– Не смотри так, Людвиг. Ты их не знаешь, а я знаю. Ручаюсь.

Людвиг только пожал плечами: посмотрим раз нет другого выхода.

– Я, стало быть, четвертый, -только и сказал он.

– Будете, когда напишете свой квартет, а пока...

Лихновский сделал знак рукой, указав Людвигу на фортепиано. Людвиг сел за инструмент. Его партия была у него в голове. Шуппанциг и Крафт сели рядом, Слуга разложил перед ними ноты.

– Мои переписчики работают день и ночь. Тут только первые две части.

Уже через десять минут игры Людвиг понял, что эти двое настоящие мастера, да, с такими не стыдно и перед императором выступить. Ребята мастера!

Довольный Карл потирал руки. Цмескаль сидел замороженный на своем месте.

– Как тебе? -спросил Людвиг друга, вытирая пот со лба, понимая, что и без вопроса

Цмескаль

поражен.

– Нет слов! Если они так будут играть и при Папе, то успех обеспечен.

В день концерта зал был забит до предела. Масса незнакомых лиц, фамилий, незнакомые голоса гудят. В первых рядах семья Лихновских в полном составе, позади теща Лихновского

графиня Тун с еще одной дочерью -Элизабет. Чета Броунов в полном составе. В самом первом ряду, почти у самой сцены четыре глубоких кресла. Сейчас они пустуют. Из-за ширмы Людвигу хорошо виден весь зал.

– Как настроение, боевое?

Тихий голос Вегелера добавляет уверенности.

– Отступать некуда, -решительно говорит Людвиг и старается спрятать за спиной потные руки.

Вегелер прислушался к шуму.

– Кто там? -спросил Людвиг.

Вегелер отошел от занавеса.

– Сам посмотри.

Людвиг приник к занавесу. Боже! Гайдн, ван Свитен и еще один-незнакомец изящный, одетый с редким изяществом, чуть младше Гайдна. Щеголеватый незнакомец сейчас шутит с ван Свитеном, кивает Гайдну и в то же время успеваеет засунуть в рот конфету. Странный гость...

– Спроси у барончика, -шепчет Людвиг.

Через минуту Вегелер возвращается. Без предисловий тихо говорит:

– Сальери.

Сердце у Людвигу сейчас выскочит из груди.

– Начинаем, -говорит Игнац Шуппанциг и вместе с Крафтом первым выходит на сцену. За ними Людвиг. За последние две минуты вся « святая троица» успела опуститься в глубокие кресла прямо перед сценой. Посредине тучный ван Свитен с массивной тростью и в

перчатках. Сейчас он их снял и нервно постукивает пальцами по трости. Слева Гайдн в простом, почти дорожном сюртуке, трость попроще, парик не так пышен и бел. Справа - Сальери. Вот по нему ничего определенного не скажешь. Итальянская вертлявость, живость характера, его легкость и простота придавали Сальери вид беззаботный и веселый. Что-то смешное он шептал через тело ван Свитена. Барон молчал, но терпел.

– С Богом, -тихо шепнул сам себе Шуппанциг.

Следующий час пролетел как мгновение. После каждой части последнего, своего любимого

до-минорного трио Людвиг старался понять, что скрывает молчание двух маэстро. Ван Свитен не в счет. Гайдн молча сидел, уперев подбородок в набалдажник трости, ни жеста, ни звука. Восковая маска безразличия. Зато итальянец не сидел на месте. Ноги и руки находились в постоянном движении. Отправляя в рот конфету за конфетой, ногой толкал фантики под кресло. Что-то смешно пытался шептать на ухо ван Свитену. Тот лишь отмахивался, как от назойливой мухи. Общество позади после каждой части дарило всей троице щедрые аплодисменты. Особо старалась женская часть, вероятно, Кристина и была

главной зачинщицей этих оваций. Минута тишины. Первым встал ван Свитен. Несколько громких хлопков от барона и вот уже весь зал встал в едином радостном подъеме. Таких громких оваций Людвиг еще не слышал. Кристина Лихновская машет Людвигу рукой, приглашая подойти к Гайдну. Около Гайдна Людвиг успел расслышать окончания слов, которые Папа говорил Сальери:

– ...не пожалеете...

Сальери первым подал руку Людвигу.

– Не плохо, не плохо. Хотите принять участие в благотворительном концерте?

Людвиг сразу согласился. Ван Свитен крепко обнял всех троих.

– Ребята-огонь, -громко, на весь зал произнес барон, голосом приглашая весь зал оценить молодых музыкантов.

Уже за праздничным обедом Гайдн тихо произнес:

– И все же не советую публиковать ЭТО трио.

– Я подумаю, -ответил Людвиг быстрее просто из вежливости.

Лихновский не терял времени зря. Три этих трио будут напечатаны уже в этом году с посвящением ему. Его теща графиня Тун говорит Людвигу за кофе:

– Не берите в голову слова Гайдна. Так же было и со стариком Глюком и с Моцартом. Всех великих не понимали и вы не исключение. Печатайте, сочиняйте, творите!

Смешная, добрая, восторженная старушка с большим сердцем, немного наивная в своей детской восторженности.

– А Гайдн? -спрашивает Людвиг.

– Папу воспитали сорок лет в прихожих Эстергази, а это дорогого стоит. Кстати, он снова собирается в Англию, вы едете?

– Мне он ничего не говорил.

– Я знаю, что дочь Броуна играет ваши вариации с ночи до утра. Да и мать тоже.

– И это знаю. Отец подарил мне лошадь, пришлось ответить несколькими мелодиями.

Проводив старую графиню до парадной двери Людвиг возвратился в свою комнату. Слуга как раз чистил его панталоны.

– Бурный день, -сам себе сказал Людвиг. Написать бы сейчас письмо Лорхен в Бонн...

Лоренц, говорят, собирается в Вену изучать медицину. Хорошо если Вегелер поможет. Сейчас

хочется похвалиться, рассказать всем в своем родном Бонне. Если бы мать дожила до этих дней, если бы старик капельмейстер был жив... Мечты. Там, на небе, они все видят и мать точно смеется.

11

Людвиг ослушался Гайдна. Даже больше, чем ослушался. Через несколько недель в»Венской

газете» он дал объявление:

«Открыта подписка на три больших трио Людвиг ван Бетховена для фортепиано, скрипки и

виолончели. Эти трио появятся через шесть недель и будут выдаваться подписчикам по предоставлении подписной квитанции. Цена полного экземпляра один дукат. Подписчики будут все поименованы на первой странице и могут получить это издание за два месяца до появления его в продаже, причем цена будет повышена. Подписка принимается в Вене, у автора. Крейцштрассе 35, за церковью миноритов, в первом этаже дома Огильского.»

А уже через несколько дней заключил контракт с Артариа, в конце контракта поставил дату 17 мая 1795 года. Чтобы как-то разбавить разочарование Гайдна преподнес ему лично

три фортепианные сонаты. Посвятил ПАПЕ. Старик недолго просматривал экземпляры. Тихо заметил:

– Тут не написано»ученик Гайдна».

– Все это и так знают, -ответил Людвиг.

Так и поговорили.

Но кроме музыки в мире существует много интересного. Лето этого года тревожно. Та афишка, которую Людвиг вместе с Гелинеком читали больше года назад, была лишь вершиной айсберга. В январе состоялись казни. Аресты неблагонадежных идут уже целый год. Некоторых Людвиг знает, о других только слышал. Вот и сейчас рядом с другом, музыкантом и композитором Павлом Враницким Людвиг сидит не в ресторане, не в многолюдном кафе

среди людей, а в парке, подальше от гуляющих. Где-то вдалеке мужчина на лошади проскакал и скрылся, еще дальше женщина с ребенком на руках. Можно говорить свободно.

– А мои мелодии попали под запрет. Вроде бы невинные, а получилось- наоборот, хотел воспеть казненного короля, но, видимо, наш Франц здорово струхнул. Теперь дует даже на холодную воду. Ладно, а как твои вариации на тему «Лесной девушки»? Слышал, их играют с удовольствием

– Да, жена Броуна не нарадуется. Я доволен этими безделушкам, не обижайся, дело не в твоём

балете

– Хорошо, что не поехал в Лондон с Папой, лучше в концертное турне. Лихновский прав. Этот разговор был два месяца назад. Сейчас он берет уроки у самого маэстро Сальери. Подтянуть себя по оперному и вокальному письму не помешает с таким мастером.

Уроки у Сальери и уроками назвать нельзя. В первый же урок Сальери почти насильно усадил Людвига за обеденный стол. Чего только там не было. Про себя Людвиг отметил, что итальянец любит вкусно поесть и попить. И поговорить. Легкий акцент еще выдает в нем иностранца, но манеры и речь - венские.

– Мы с вами, Людвиг иностранцы, что ни говори. Я итальянец, вы немец, мы оба чужаки, но

я в отличии от вас, немного пообтерся в этой столице. Чего мне это стоило-отдельный разговор. Я ведь тоже начинал на чужбине. Свитен рассказал мне вашу историю. Мы с вами схожи: как и я, вы чужак здесь, как и я..вы в юности потеряли мать. И поверьте, вы мне напоминаете Глюка, он ведь тоже немец, из ваших краев.

– Говорят, вы его неплохо знали. Я первый раз приехал в Вену в год его смерти. Его не застал. Сальери откинулся в кресле. Прикрыв глаза, глубоко вздохнул. Помолчал, словно подбирая нужные слова, начал издали.

– Да, вот он умел себя подать. Он понимал где можно хлопнуть дверью и перед кем.

– Говорят, он пил... простите, если...

– Нет, нет. Все правильно. Пил... Пожалуй, да. Но это неважно. Когда я слушал его «Альцесту»

у меня текли слезы и не у меня одного. Вольфганг тоже был поражен. Он сам мне признался в этом. А его «Ифигения..»!

Сальери восторженно дышал, было видно, что эти воспоминания волнуют его душу.

Людвиг слушал, затаив дыхание. Ему хотелось знать любую подробность, мелочь, пустяк.

Он сам жалел, что не пришлось хоть издали повстречать такого мастера оперы.

– А какие похороны! Да, таких похорон заслуживают только императоры и короли. Умел жить,

что тут скажешь.

– А Моцарт? -спросил Людвиг.

Сальери встал. Подойдя к окну, он повернулся к Людвигу спиной. Минуту молчал, наблюдая за метушной города. Людвиг терпеливо ждал, смотря на спину маэстро. Тот все продолжал молчать. Наконец через силу, словно по приказу, выдал:

– А что Моцарт? Моцарт есть Моцарт. И поверьте мне, Людвиг, я много думал о нем, иногда мне кажется, что бедняга сам виновен. Он не умел экономить, мог потратить на похороны своей

канарейки весь гонорар от симфонии. У него двое детей, Констанца просто прелесть! я иногда даю уроки его старшему. Вы с ним обязательно встретитесь. Впрочем, и с Констанцей.

– А похороны?

– А что похороны, - снова вопросом на вопрос ответил Сальери.-По третьему разряду согласно

прейскуранту. Все в рамках обычного. Я же говорю-надо экономить. Я сам застал на следующий день такую нищету в его квартире, что ни приведи Господь!

– Он был гений, -только и сказал Людвиг.

– Я слышал, что он вас хвалил. Это хорошо.

– Ван Свитен мне так передал.

– Ему можно верить. Да, были времена... Кстати, как ваши занятия с Альтбрехтсбергером?

Старик большой мастер и отличный учитель-держитесь его, Людвиг.

– Я планирую вместе с Лихновским небольшое концертное турне и меня не будет несколько месяцев. А там, как пойдет, может задержусь и на год. Сами видите, времена сейчас тревожные

– В Берлин?

– Прага, Офен и Берлин, конечно.

– Я слышал об их короле-меломане. Это не то, что Фридрих Великий, но и от него есть толк.

Я буду в марте давать большие благотворительные концерты в пользу вдов и сирот музыкантов. Денег особо это не принесет, но вам лучше выступить с чем-то новым. Как?

– С удовольствием. У меня в работе сразу два фортепианных концерта, один готов, другой почти готов, наберется еще несколько интересных вещей.

– Вот и здорово! Беднякам нужно помогать.

Вечером Людвиг ждал сюрприз. Рядом с братом Каспаром сидел меньший-Иоганн.

Скромненько, с небольшим дорожным баулом и несколькими чемоданами он разумно покинул родной Бонн продержавшись под началом французов почти год. Все, что он вывез- удостоверение фармацевта да и то подписанное каким-то французом.

– Нет больше Бонна, -спокойно произнес он.

– А я говорю: они не на долго! Вот увидишь, мы еще вернемся.

Иоганн только отмахнулся от слов Каспара. Он довольно пожил под властью французов и уже начал разбираться что к чему.

– Нет, они серьезно настроены. Армия у них дрянь, но энтузиазма и геройства хватит на всех наших герцогов и графов. Когда проходили по городу и грянула эта ихняя...

Иоганн никак не мог вспомнить название песни. Видно по нему, что само название вызывает у него отвращение. Каспар вспомнил.

– Марсельеза!

– Во-во, она самая. Мерзкая вещь в их глотках. Я терпел долго, но всему есть предел.

– Да, -задумчиво протянул Каспар.-разбудили пчелиный улей. Теперь не жалуйся.

– Может, сюда не дотянут, -предположил Людвиг.-Мы-то им что сделали?

– А что сделала Мария- Антуанетта? Что сделали остальные. Я знаю побольше вашего. У них там сейчас какая-то «директория». Но это не мешает продолжать рубить головы, как кочаны. Ты видел ее?

– Кого, -спросил Людвиг.

– Гильетину!

– Ладно. Не до споров. Сейчас я напишу пару строчек Цмескалю, он мастер на все руки, что-то с тобой придумает.

Людвиг позвонил в колокольчик, через минуту вошел слуга и Людвиг отдал ему записку. Иоганн удивился.

– Не плохо устроился, братец. Личный слуга!

– У меня и лошадь своя. Правда я почти не езжу, но стоит дорого.

– Какая-то пылкая графиня? -предположил Иоганн и подмигнул Каспару.

– Нет, это от Броунов. Славная семья. Я иногда подбрасываю им простенькие мелодии. Правда не знаю, что они в этих безделушках ценят, но все довольны. Надо будет только избавиться от их лошади: она мне дорого обходится.

Цмескаль довольно быстро нашел работу Иоганну. Очень удачно в аптеке «Святой дух» в своем же доме. Итак, Иоганн устроен, Карл пока играет в оркестре и ведет переговоры с издателями, в папке Людвиг два десятка новых произведений. С такими можно отправляться

в турне по столицам. В бой! И еще одна мысль – в такие тревожные времена лучше исчезнуть из столицы на несколько месяцев пока все не уляжется. Последнее, что сделал Людвиг до отъезда в турне – концерт памяти Моцарта. Маленького роста, немного смуглая с короткими вьющимися волосами женщина в первом ряду – Констанция Моцарт. Последний раз он видел ее почти семь лет назад. Констанца лишь проشمыгнула мимо него тогда и ему в его семнадцать рядом с Моцартом было не до нее. Юный молодой человек рядом с Констанцией – Ксавер Моцарт, сын, Мужчина разговаривающий с Сальери – Зюсмайер. Неплохой (по отзывам)

композитор. Как человека Людвиг его не знает. Вот сейчас Сальери становится за дирижерский пульт. Опера «Милосердие Тита» и в антракте Людвиг играет ре-минорный концерт Моцарта. На глазах Констанцы слезы. Сальери обнимает Констанцу и успевает поклониться императору Францу. Людвиг тоже кланяется. Все, теперь пора в турне.

12

Через несколько недель после венских концертов Людвиг вместе с Карлом Лихновским выехал в концертное турне.

– Приятно вспомнить былое, – мечтательно произнес Карл. – Слово вместо тебя вот так рядом Вольфганг, мы сидим в пражском кафе, лето, Вольфганг пишет, я смотрю по сторонам, глазею на пражских красавиц, Вольфганг смеется... Времена...

Франтишек Нимечек сейчас пристально смотрит на Людвигу. Сравнивает? Людвигу неудобно спросить. Только вчера они приехали в Прагу, остановились как и Моцарт в «золотом единороге», гостинице не в худшей части города и вот сейчас уже Карл громко обсуждает с старинным другом программу первого выступления Людвигу. Первым делом фортепианный концерт, потом вариации и обязательно что-то из Моцарта. В Праге еще полно

тех, кто помнит Вольфганга. Рецензии восторженные, но в пределах приличия.

– Как это понимать? – спрашивает Людвиг. – «Он покори наши уши, но не наши души. Поэтому он никогда не заменит нам Моцарта».

– А чего же ты ждал, Людвиг? Что тебе еще ждать? Ты на одной строчке с Моцартом. Когда писали о нем, то с ним рядом не ставили никого.

– Вот именно.

– А ты наглец.

Это не от злобы. Лихновский уже давно понял характер Людвигу. Его гордость не имеет ничего общего с гордыней и тщеславием.

– Так это ваше «сокровище»? – смеясь спрашивает госпожа Душек.

– Он заменит нам Вольфганга, – обещает Карл.

Госпожа Душек вздыхает.

– Вольфганга не заменит никто.

Через несколько недель, видя, что Людвиг и без него неплохо справляется, Лихновский уехал.

– Теперь-сам, – на прощание сказал Карл.

Людвиг был поражен сдержанными и скупыми эмоциями берлинцев. Они же немцы, свои. Прогуливаясь по столице вместе с виолончелистом Дюпором он недоумевал:

– Могли бы и побольше эмоций, от них не убудет.

– Мы берлинцы. Это вы, венцы можете бросать на сцену кошельки, ожерелья, свистеть. Мы

лишь плачем и слегка аплодируем. Мы не так эмоциональны. Мы берлинцы, а берлинцы-немцы и уж извините наши скупые слезы. Кстати, как вам игра принца?

– Для принца неплохо. Я так и сказал.

Дюпор свистнул. Мальчишка-разносчик с кипой газет подбежал к ним. Взяв газету, Дюпор

читал на ходу. Хмурился, вздыхал.

– Да, дела невеселые...

– Что там?

Дюпор ткнул в краткую заметку. Людвиг тоже прочел.

– Где это... Лоди...

– В Италии, Ломбардия. Туго вашим придется. Этот генерал Бонапарт вам дорого обойдется.

Если он уже разбил четыре армии вкуче с вашими австрияками, то нам следует задуматься.

– Но мы-то далеко.

– Ой, не радуйтесь.

О разговоре с Дюпором Людвиг вспомнил, когда подъезжал к городским воротам Вены. Еще в полях и пригородах навстречу попадались группки людей с самодельным оружием или штыками. Горлающие песни, одетые бедно, они шли в одиночку или малыми группами вдоль дорог. На пути Людвигу попала компания с маленькой пушкой, правда, без ядер. Кто-то смеялся, кто-то орал песни, кто просто был пьян. В самом городе флаги, пыль столбом, все те же крики и беготня.

– Что случилось? _первый вопрос к Цмескалю.

– Наш вояка Карл решил немного, как бы сказать, повоевать.

– Это из-за Лоди?

Вместо ответа Цмескаль только отмахнулся. Подвел Людвигу к большой карте на стене.

– Что здесь?

– Альпы.

– А за ними?

– Мы.

Вот то-то. Соображаешь.

Вечером следующего дня Людвиг слушает разговор во дворце Кинских. Общество гудит как улей. Злой, нетерпеливый и опасный. Самая большая группа около высокого красивого мужчины в парадном придворном костюме..Говорит он медленно с приятным славянским акцентом. Старая графиня Тун вместе с двумя дочерьми вплотную подошла к гостю. Это не совсем гость. Зять графини Тун- Андреас Разумовский, посол России в Вене и муж Элизабет Тун.

– Этот корсиканец смел только с воробьями и голубями. Тоже мне-итальянцы-вояки! Когда он встретится с нашим Суворовым, от него и перьев не останется.

– Ему надо помочь, -заметила Кристина Лихновская.

– Ему надо не мешать.

Заметив около себя Людвигу, Андреас широко раскрыл объятия.

– Сколько лет в Вене, а ко мне, значит, не ногой?

Людвиг поклонился.

– .Если мой свояк пойдет на попятную, следующий вечер у меня.

Огромный Лихновский жарко задышал.

– Ну зачем тебе эти мальчишки? Оставь их мне.

На Лихновского жалко было смотреть. Уже больше года Андреас выпрашивает квартет Шуппанцига и его мальчишек к себе. И теща и обе дочери лишь улыбаются, Смешно, как этот большой человек потеет, пыхтит, краснеет, переходя на фальцет. Он лукавит. Таких отличных музыкантов трудно найти даже в Вене.

– Мой дворец был открыт для Моцарта, открыт для Гайдна и Для вас, Людвиг. Мне Броун все уши прожужжал про ваш гений. Его Анна играет ваши сонаты. Кстати, вот и он.

Броун вместе с супругой как раз направлялся к ним.

– Русские сегодня в большинстве, -пошутила старая графиня Тун и поцеловала Броуна в гладкую, выбритую щеку.

– О чем спор? -спросил Иван Юрьевич у всей компании.

– Да вот, зятя скоро подерутся, а я снова с дочками, опять женихов подыскивать.

– А Людвиг чем не жених! -предложил Броун и посмотрел на Людвига.

Старая графиня сделала вид, что не расслышала. Ей на помощь пришел зять Андреас. Он снова за свое.

– Я одного не понимаю: почему мы должны проливать свою русскую кровь за вашего Карла. Что он нам?

– Союзнические обязательства, -предположила Элизабет Разумовская, но супруг грубо оборвал ее.

– Брось, Лизка!

Броун полностью был на стороне мужчин.

– Как военный говорю: тухлое дело. Не надо было нам всем ввязываться.

И уже тише:

– С нашего Карла такой вояка, как с меня балерина.

Все тихо улыбнулись.

– Что с вашими сонатами, Людвиг. Вы печатать их собираетесь?

– Обязательно и обязательно с посвящением вашей супруге.

В дальнем углу зала Цмескаль подпрыгивал на месте, делая знаки Людвигу. Людвиг подошел.

Рядом с Цмескалем стоял молодой человек почти тех же лет что и Людвиг. Изрытое оспой лицо, волосы зачесанные назад делали его похожим на Людвига. Крепкое телосложение и небольшой рост делали его еще более похожим на Людвига. Людвигу показалось, что он уже где-то видел это лицо.

– Аменда, пастор из Курляндии, -сразу представился молодой человек.

Несколько секунд Людвиг припоминал. Аменда помог.

– Я заменял один раз скрипача в квартете Шуппанцига. Помните?

Что-то припомнилось Людвигу.

– Да, вероятно, -смог сказать он.

– Мы еще встречались у Кинских, -напомнил Карл Аменда и добавил:-Немного учил младших Моцартов фортепиано.

Вот теперь Людвиг окончательно вспомнил Молодой человек стоял между Зюсмайером и Констанцей в день благотворительного концерта. Тогда он лишь мельком про себя заметил, что юноша очень похож на него самого.

– Я не так давно из Берлина, там тоже настроения невеселые, -заметил Аменда.

– Этому Бонапарту просто везет, что он не застал Фридриха Великого. Но если дойдут до Берлина, то схватки не избежать. Все побегут.

По дороге домой Аменда спросил Людвига:

– А куда бежать всем этим Кинским, Лобковицам, Францам?

Людвиг никак не ожидал от нового знакомого таких слов. Ты смотри-тихоня пастор!

Словно в доказательство своих слов Аменда вынул из бокового кармана несколько листов. Стихи, переписанные от руки, торопливый, но аккуратный почерк.

«Ты за кого идешь на бой,

Немецкий добрый мой народ!

Бросаешь землю, дом родной,

Хозяйку и сирот?

За князя, за дворянский род

Да за поповский сброд».

– Бюргер, -тихо произнес Аменда.

– И это носит в кармане пастор?

– Я прежде всего патриот своей отчизны. Увидишь, еще год-два и все эти Зичи, Шварценберги побегут быстрее пули.

– А я лишусь работы, -попробовал пошутить Людвиг, а сам понимал, что молодой пастор сказал

то, что думал и он, Людвиг.

Как-то хорошо и спокойно на душе от разговора с этим умным молодым человеком.

– Пошли ко мне. Восемь утра самое время для утреннего кофе.

Аменда согласился. Придя домой, Людвиг предложил:

– Садись, сейчас приготовлю кофе и что-нибудь разогрею.

– Я посмотрю ноты, можно?

– Смотри, что хочешь.

В кухне Людвиг гремел тарелками и молот кофе.

– У тебя нет слуг?

– Я съехал от Лихновского, пробовал найти нескольких, но они все от меня сбегают. Что не так?

Аменда улыбнулся. По квартире распространился приятный запах кофе. Еще чем-то запахло.

Запах пренеприятный. Может, лучше отказаться от обеда?

– Я всегда мелю шестьдесят зерен. Медленно, но вкус крепкий, отменный. Я этим горжусь.

Что читаешь?

Людвиг зашел в комнату с двумя полными чашками.

– Тут столько всего! Не знаю с чего начать.

– Посмотри вот это... Важно, что скажешь.

Людвиг протянул несколько листков.

– Это первая часть. Соната. На этот раз я решил пойти другим путем. Чувствую, что именно это мне сейчас и нужно.

– Можно? -спросил Аменда и сел за фортепиано.-Восьмая соната.

Уже после пяти минут мелодии Аменда согласился с Людвигом: это совсем другая музыка, необычная. Таких звуков не услышишь в залах Лихновских или Тунов. Необычно, ново, дерзко.

– Как? Волнует?

– Совсем новая музыка. Такого я не ожидал.

– Вот еще...

Людвиг перерыл кипу бумаг, извлек десяток больших листков. Аменда одел очки. Долго читал.

– Квартет.

– Да. Шесть. Это первый. Сейчас они в работе. Вот...

Людвиг взвесил на руке кипу бумаг.

– Полсотни вещиц, а среди них-десяток нормальных Вариации на Моцарта, Вальдштейна.

Сальери, Диттерсдорфа и прочих. Звуков много, а нормального мало.

– Эта соната действительно что-то новое. Ничего подобного не слышал!

– Вот этим путем и думаю идти дальше.

- Тяжко придется. Время сейчас тревожное.
- Есть еще Немецкие танцы для оркестра, квинтет для фортепиано, гобоя, кларнета, фагота и валторны, еще соната для фортепиано и валторны и сейчас фортепианный концерт, второй. Но эта соната и квинтет-это действительно другое, совсем другое.
- Это дуэт?
- Так, мелочь из раннего, -Людвиг улыбнулся.-«Мельничиха» Паэзиэлло. Старье. Еще вариации на русскую тему Враницкого. Что поделать, надо приспособливаться.
- А когда издашь?
- Не знаю. Видишь, какие сейчас времена. Я надолго не загадываю. Вот, прочти. Аменда прочел заглавный лист.«Аделаида».
- Песня. Слова Маттесона. Хороший поэт, Почти, как Гете.
- Ну, это ты и хватил. Но слова трогают.
- Людвиг по памяти процитировал несколько слов.
- «Будет пышно цвести моя могила
Будет алый цветок расти из сердца.
Ярко будет блистать на лепестках
Аделаида».
- Да, немного напышенно, но для дамских сердец самое то, -пошутил Людвиг.– Я думаю написать ему письмо. А еще Гете. Вот разделаюсь с квартетами и возьмусь за симфонию.
- И теперь я ощущаю в себе настоящую силу. Ты понимаешь?
- Людвиг пристально посмотрел в лицо Аменде. Тяжело дыша, он был похож на воина, который победил в решающей схватке. Аменда впервые видел такой взгляд. Страшно и необычно было наблюдать сейчас за Людвигом. Совсем не такой, как в гостиных и залах с их вечными реверансами, фальшивыми улыбками, сплетнями и трусостью вельмож. Вот настоящая музыка.!Людвиг подал газету с подчеркнутыми строчками.
- Прочитай, это из Лейпцига.
- «Очевидно, г. Бетховен прокладывает себе новый путь: но сколько здесь терний и колючек! Ученость и опять ученость! Всюду ученость! И не тени естественного, ни одной мелодии, это постоянные потуги, никому не интересные, непрерывные поиски причудливых модуляций, наконец, такое ужасное нагромождение трудностей, что волей-неволей теряешь терпение и отказываешься от борьбы».
- Брось, Людвиг. Это всего лишь рецензия.
- Но эту газету читают и в Вене. Все этим Шварценберги и Зичи считают себя знатоками...
- Открой...
- ...и читают такие строки, а понять...
- Людвиг! Стучат!
- Что?
- Открой, стучат.
- Странно, я не слышал.
- Людвиг пошел открывать. Вернулся с братом Карлом.
- Карл и Аменда поклонились друг другу.
- Мой брат Каспар, -представил Людвиг, но тут же добавил:-В Вене он уже Карл. Так проще.
- Я, братец пришел похвастаться, и передать пару перьев от Цмескаля. Меня назначили кассиром в банке. Должность не ахти, но с перспективой.

– Потихоньку все приходит в свою колею. Никто теперь не скажет, что я не забочусь о младших. Иоганна видел?

– Дня три назад. Ехал по проспекту с какой-то красоткой. Он у нас настоящий денди.

– Надеюсь, не шлюшка. Я-то Цмескаля знаю-он ему место приискал как раз в своем доме, а

яблоко от яблони...

Все трое рассмеялись.

– Он у нас в аптеке служит, если что-вылечится.

– Ладно, я побегу. Я собственно, только из-за перьев и забежал.

– Скажи, что вечером жду его в «Лебеде», он знает когда.

Когда Карл ушел, Аменда еще раз просмотрел сонату. Видя горячий взгляд нового друга, Людвиг спросил:

– Что, нравится?

– Необычно! Дерзко... никак не могу подыскать подходящее слово.

Через два дня я буду играть ее у Лихновского. Это все же ему посвящается.

– Сообщишь, когда будет концерт.

– Считаю, что ты приглашен.

Людвиг взял заглавный лист и, чуть помедлив, спросил:

– Как по-французски «Патетическая»?

– Так и будет.

Аменда произнес французское слово.

На заглавном листе Людвиг смело написал: «Большая Патетическая соната».

– На французском? дерзко.

– Только так!

13

Главная новость-квартет Шуппанцига теперь у Разумовского. Сама теща уговорила зятя:

– Ну уступи, Карлуша. Знаешь, как у этих русских говорят: женщина с воза-легче лоша-
дям.

Грузный Карл в конце-концов обмяк.

– Да на все четыре стороны! -наконец изрек он.

– Ну и с Богом, -обняла его Кристина и дотянулась губами до щеки мужа.

Людвиг внимательно слушает. Сегодня после концерта он ожидал, что о новой сонате он услышит хоть что-нибудь, но все молчат. Говорят о пустяках, шутят, но о сонате ни слова.

– В ближайший понедельник проводы добровольцев и мы организуем еще один концерт по подписке.

Со словами Лихновского все согласны.

– Но один Шуппанциг с ребятами «погоды» не сделают, -ответила графиня Тун.

Лихновский поморщился.

Теща, словно в отместку неизвестно кому и за что, добавила:

– А вы, Людвиг, еще и походную песню написали, кажется.

– Да, «военная песня австрийцев». Но я не один такой. Даже ПАПА сочинил гимн «Боже, храни императора Франца». Но я не знаю, как это поможет нашим героям.

– После Риволи и Арколя вряд ли, -заметил Разумовский. -Ох, и доиграемся мы с нашим Карлом!

– ОНИ, я слышал, даже календарь заменили: теперь у них вместо апреля и октябры-
нивозы,

жерминали и термидоры, -заметил Лихновский с улыбкой превосходства. С его ростом и комплекцией это легко.

- Говорят, на полях планируется освящение знамен? -спросил Людвиг.
- Он сам не знал чему верить больше. Слухи действительно самые тревожные.
- Обсудите с Шуппанцигом программу, -посоветовал Карл Лихновский.
- Можно исполнить мой квинтет для фортепиано и духовых, он не плохо сыгран был в первый раз у Шуппанцига, а сейчас тем более.
- Разумовский склонился к уху Людвиг, тихо произнес:
- Слышал, что Гайдн остался недоволен этим квинтетом. Не пойму-почему.
- Он хочет, чтобы я писал на изданных работах»ученик Гайдна».
- Папе нельзя отказывать, -раздался за спиной голос.
- Людвиг повернулся. Перед ним стояла подруга его боннской юности Кристина Герарди. Сердце Людвиг дрогнуло. Никак не ожидал увидеть эту красотку в салонах. Впрочем, ничего удивительного, с ее голосом и не петь-это преступление.
- А я к вам, Людвиг с подарком.
- Кристина без предисловий протянула Людвигу несколько листков. Стихи.«Вздых», «Мольба».
- Это Хелти? -спросил Людвиг.
- Не только. Готовиться мой первый концерт в Вене, а вы первый из наших композиторов.
- То есть-модных
- Вместо ответа Кристина лучезарно улыбнулась.
- Наша малышка скоро выходит замуж, -подсказал Франц Вегелер.-И репертуар у нее подходящий.
- Неужто так плохо? Мольба, вздохи... Я-то думал, что будет радость, смех и солнце.
- Кто же этот счастливец?
- Йозеф Франк, врач.
- Отец его Иоганн, тоже врач?
- Да.
- Ну тогда жить вам до ста лет.
- К их маленькой компании подошел Карл Лихновский под руку с Андреасом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.